

№11

Ноябрь 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 6

«ЗЕЛЕНый ЛИСТ,
ПОБЕДНО РЕЮЩИЙ...»

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Банк ВТБ (ПАО). Генеральная лицензия Банка России № 1000. Реклама.

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rctmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«რუსული კლუბი»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ЗЕЛЕНый ЛИСТ, ПОБЕДНО РЕЮЩИЙ...»
НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 16 «РАЙ НА ЗЕМЛЕ»
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 22 САБУРТАЛО. ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЙОНА
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 27 ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК
- 31 ПИСАТЬ ГРАМОТНО – МОДНО!
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
- 32 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 40 ОЛЕГ ПАЛЬМОВ:
«ГЛАВНОЕ – ЧТОБЫ ТЫ БЫЛ СВОБОДЕН»
АННА НАВОДНИЧАЯ
- 47 ХУДОЖНИК НИКИФОР КУЛЕШ
И КАРТИНА-ПАНОРАМА «ГОЛГОФА»
ТАМАЗ ГЕРСАМИЯ

На обложке – ПЛОЩАДЬ ЕВРОПЫ И ПАРК РИКЕ
Фото АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

Роб АВАДЯЕВ

ПРЕКРАСНЫЙ САД КЛОДА МОНЕ

В ноябре исполняется 180 лет со дня рождения одного из основателей импрессионизма Клода Моне. Обычно вспоминая о жизни разных знаменитых художников, пишут об их слабостях, странностях и прочих недостатках, но о Клоде Моне ничего такого особенного рассказать нельзя — он не был ни наркоманом, ни извращенцем, ни особенным пьяницей, не страдал черной меланхолией, был психически устойчивым, никогда не тяготел к суициду, напротив, был приличным семьянином, мужем и отцом, нормальным соседом и хорошим другом. Он даже женился во второй раз только через много лет после смерти первой жены и музы Камиллы. Мы также не будем вспоминать о его выдающейся роли в искусстве и говорить, что он был, хотя и гением, но не таким уж высокотехническим живописцем, как, скажем, Поль Сезанн, Эдуард Мане или Камиль Писсарро. Или что он непатриотично с семьей уехал в Лондон от франко-прусской войны. Скажем только, что все направление импрессионизма началось с его одного-

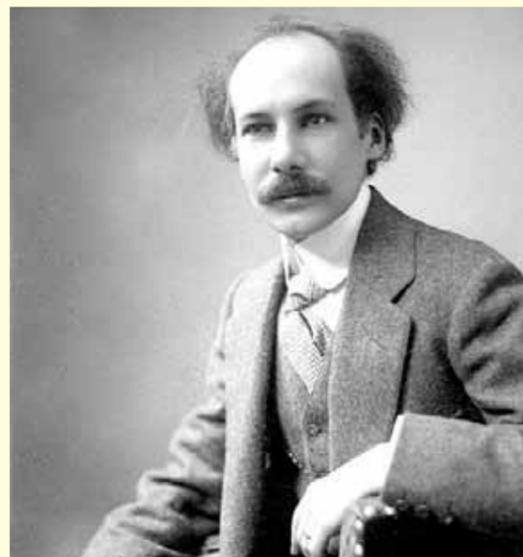

единственного полотна «Impression, soleil levant» и было названо в его честь — «Впечатление. Восходящее солнце». Так сказал об этой картине строгий критик Леруа: «На ней не было ничего, кроме впечатленности». Клод Моне был очень приличным и нежадным человеком. Трудолюбивым и добрым. После сорока, когда ему надоела парижская суета, он купил себе дом в деревне Живерни, что в километрах семидесяти от столицы, где и прожил всю оставшуюся жизнь. Он там разбил прекрасный сад, выкопал пруд с японским мостиком, где плавали его знаменитые кувшинки, а за плетнем началось поле с лугом до самой Сены, где местные крестьяне и скирдовали стога, которые он запечатлел на своих чудных полотнах. Наверно, чтобы понять душу великого художника, но такого обыкновенного человека Клода Моне, надо съездить в Живерни, где был его дом, его сад, где росли его дети, где пировали с ним его друзья и где он сам похоронен на скромном сельском кладбище у старой церкви в окружении всех своих родных. Как обычный «нормальный» человек,... хоть и великий.

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

В доме на Арбате в семье декана физико-математического факультета Московского университета Николая Бугаева 14 октября 1880 года родился мальчик, которого назвали Борисом и которого мы знаем под псевдонимом Андрей Белый. Среднее образование он получил в Поливановской гимназии на Пречистенке. Там училось немало в будущем известных людей: старший товарищ и литературный кумир юного Бориса Валерий Брюсов, Максимилиан Волошин, поэт и теоретик символизма Лев Кобылинский. А Сергей Эфрон, вскоре после выпуска женившийся на юной поэтессе Марине Цветаевой, вообще был его однокашником. С детства Борис увлекался музыкой, но, по настоянию отца, поступил на

физико-математический факультет. Правда, через пару лет он, по собственному выражению, «всецело отдается фразе, слогу» и с головой бросается в поэтическую волну «Серебряного века». Знакомится с Брюсовым, Мережковским и Гиппиус, издает первую книгу под псевдонимом Андрей Белый, написанную музыкальной, слегка ритмизованной прозой. Непривычную фрагментарную манеру письма читатели сочли импрессионистской — это стало фирменным стилем Белого. В 1903 он все-таки оканчивает с отличием университет и вновь в него поступает уже на историко-филологический факультет. А еще вступает в переписку с Блоком, принимает участие в собраниях его приятелей — «аргонавтов», из них пять лет спустя составится костяк издательства «Мусагет», сотрудничает в журнале «Весы», выпускает поэтический сборник «Золото в лазури» и погружается в богем-

ную жизнь со всеми ее прелестями, распущенностью и излишествами. Белый даже едва не заплатил за это жизнью: весной 1905-го на лекции в Политехническом музее его пыталась застрелить из револьвера доведенная до отчаяния нервная барышня — морфинистка и надоевшая любовница. Осечка! А вскоре уже в Петербурге у него случился роман с Любовью Менделеевой, женой Блока. Но психика не выдержала накала декадентских страстей, и Белый удрал за границу. Там начались его скитания по городам и странам: он путешествует с женой Асей Тургеневой по Северной Африке и Ближнему Востоку. В военном 1916-м Белый вернулся домой один, обе революции встретил в Москве, работал в большевистском Пролеткульте. В 1921-м, разочаровавшись в большевиках и лично в Ленине, снова очутился за

рубежом, в Берлине, где не очень старался держать язык за зубами. Но осенью 1923-го ему почему-то позволили вернуться на родину. Непонятно, как он при этой безумной жизни успевал писать. И что удивительно, в СССР произведения Андрея Белого регулярно выходили из печати до начала 1930-х. Похоже, его считали неопасным чудачком. Он поселился в ближнем Подмоскovie, писал книги и лето проводил с новой женой в Крыму. Там, в Коктебеле, в жарком июле 1933 года вдруг упал и потерял сознание — инсульт от перегрева. Он так и не оправился и зимой умер. А в молодые годы у него были такие пророческие строки:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.

Что называется — «накаркал». Но согласитесь, интересную жизнь прожил человек. Стоит его книги перечитать, Андрей Белый — большой писатель!

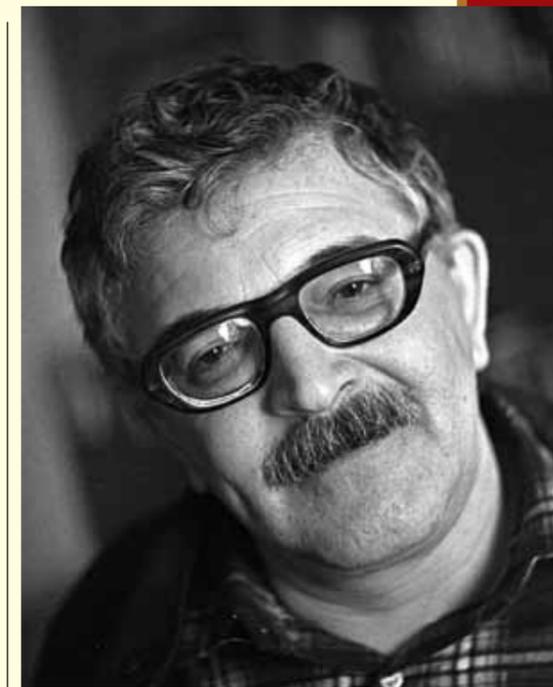
ФАНТАСТ ИЗ БАТУМИ

Выдающийся писатель-фантаст Аркадий Натанович Стругацкий появился на свет в Грузии. И его можно со всем основанием внести в перечень знаменитых людей, родившихся в чудесном приморском городе Батуми. Он родился в 1925 году в семье главного редактора газеты «Трудовой Аджаристан» и учительницы русского языка и литературы. Позднее Стругацкие переехали в Ленинград, где в 1933 году родился брат Аркадия, его знаменитый в будущем соавтор Борис.

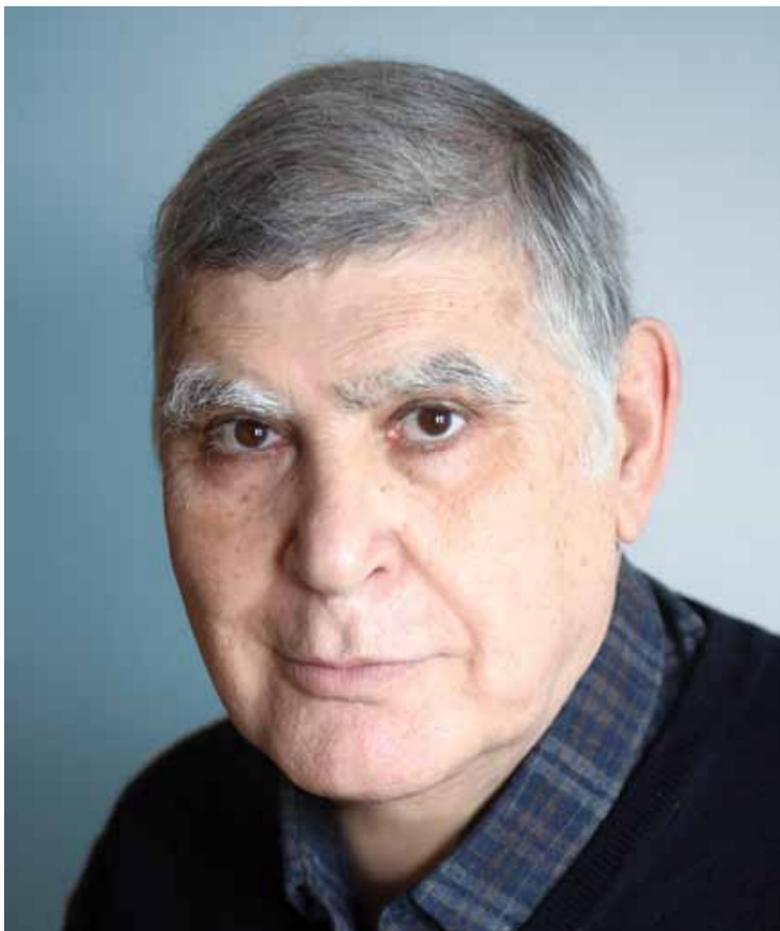
Во время войны семья Стругацких оказалась в блокаде. В самую лютую зиму, в январе 1942 года, отец Стругацкого Натан и Аркадий сумели эвакуироваться по льду Ладожского озера по «Дороге жизни», а мать с большим Борисом осталась в Ле-

нинграде. К сожалению, отец умер в эвакуации в Вологде буквально через неделю, а шестнадцатилетнего Аркадия сдали в детский приемник и эвакуировали еще дальше в село Ташла. Дорога была опасная, их эшелон разбомбили немцы, среди немногих оставшихся в живых оказался Аркадий. По прибытии он, как юный, но грамотный ленинградец, сын уважаемого партийца, был назначен заведующим пунктами по закупке молока у населения. Все взрослые мужчины были на фронте, а те, кто остались, на такой «хлебной должности» долго не задерживались — слишком велик был соблазн подворовывать, времена-то были совсем голодные. Но Аркадий был неподкупен. Скоро он своей твердостью и принципиальностью завоевал уважение окружающих и свел знакомство с руководством района, которым понравился честный парнишка. Он почувствовал себя старшим в семье, заработал денег и сумел в 1943 году вывезти из голодного блокадного Ленинграда мать и брата. В том же году, по достижении восемнадцати лет, его призвали в армию и отправили в Актюбинское артиллерийское училище, эвакуированное из Бердичева. А по его окончании Аркадий получил направление в Военный институт иностранных языков, который окончил в 1949 году по специальности «переводчик с японского и английского языков». С тех пор многие внимательные читатели, не пропускающие имен не только иностранных авторов, но и переводчиков, частенько встречали фамилию переводчика Аркадия Стругацкого. В частности, мы знаем в его переводах произведения великих японских писателей Рюноске Акутагавы и Абэ Кобо и американской фантастики Андре Нортон. Но главное в жизни военного переводчика Аркадия Натановича и его брата Бориса, ставшего астрономом Пулковской обсерватории, было впереди. Когда Аркадий вышел в отставку в 1955 году, или, как говорили, «снял погоны», он занялся литературной деятельностью. Семейная закваска от отца-журналиста и матери-филолога подразумевала, что оба брата будут не чужды словесности, и они и впрямь стали писателями — самыми знаменитыми в истории советской фантастики, наряду с академиком Обручевым, Алексеем Толстым, Иваном Ефремовым. На самом деле Аркадий начал писать еще школьником в Ленинграде — в первые месяцы блокады он написал свою первую повесть под названием «Находка майора Королева», но она была утеряна. Первой художественной публикацией стала повесть «Пепел Бикини» 1956 года, а в 1959 году он написал первое большое произведение в соавторстве с

братом Борисом — роман «Страна багровых туч». Так началась их общая известность и слава. В отечественную историю литературы они вошли, подобно Ильфу с Петровым, как один автор — «Братья Стругацкие». Вместе они написали несколько десятков произведений, самыми знаменитыми из которых были «Трудно быть богом», «Пикник на обочине», «Понедельник начинается в субботу», «Улитка на склоне», «Обитаемый остров»... далее можно перечислять долго, ибо не было (и нет по сей день!) более популярных мастеров отечественной фантастики. Их часто экранизировали — редко хорошо. Самыми удачными считают фильм Тарковского «Сталкер» по их «Пикнику» и чешскую скромную, но качественную экранизацию повести про космического маугли «Малыш». И, конечно, очень важный фильм Алексея Германа. Братья писали и порознь, под псевдонимами С. Ярославский (Аркадий) и С. Витицкий (Борис), где инициал «С» — это по разным версиям «Старик» или «Стругацкий». По отдельности братья не так уж известны. Но время их совместного творчества — это «золотое время» советской фантастики. Причем жили они в разных городах — в Москве и Ленинграде — и шутили, что пишут ровно посередине железнодорожного пути между городами, а именно в главной гостинице городка Вышний Волочек, которую их почитатели сразу переименовали «У Бори и Аркаши». Но это, конечно же, их шутка. Писали они либо у одного, либо у другого, либо вовсе в пансионате Комарово.

Владимир Головин

«ЗЕЛЕНЫЙ ЛИСТ, ПОБЕДНО РЕЮЩИЙ...»

■ **Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ**

Штирлиц, как вы знаете, вывел для себя, словно математическое доказательство: «запоминается последняя фраза». А вот в учебных пособиях по написанию текстов черным по белому говорится, что самое важное в любой истории – это первые слова. Но и это не окончательная директива. Многие специалисты убеждены – главную роль играет неожиданная кульминационная сцена.

С чего это мы тут ударились в хитросплетения создания историй, спросит нетерпеливый

читатель? А вот с чего: если перелистать страницы жизни и судьбы Владимира Головина, то неожиданности и поразительные сюжетные ходы встретятся на каждом шагу. Так что писать о нем несложно: с чего ни начать – все интересно! Что связывает нашего героя с Георгием Товстоноговым, откуда взялось в домашней библиотеке Головина первое послевоенное издание Сергея Есенина, что общего у Расула Гамзатова, Чингиза Айтматова и Владимира Солоухина и у тбилисской 43-й школы,

что сказал легендарный Эдуард Церковер, прочитав интервью Владимира Головина с Юрием Никулиным? А еще – что и как было написано о страшном сходе лавин в Сванети? Как такое возможно – попал под обстрел в Сухуми, чудом не погибнуть, а в Иерусалиме, опоздав на встречу на пять минут, не взорваться в кафе? И далее, и далее...

Поэтому отложим в сторону все методические указания и расскажем о Владимире Головине по порядку, с самого начала. Его жизнь – заковыристой самых заковыристых сюжетов.

Наверное, чаще всего его спрашивают, не потомок ли он генерал-лейтенанта Евгения Головина, главноуправляющего Кавказским краем, в честь которого центральный проспект Тифлиса более полувека именовался Головинским? Нет, не потомок. Владимир принадлежит к другой дворянской ветви Головиных, не менее, надо сказать, славной. Состоятельная семья жила в Ростове-на-Дону, Василий Иванович Головин служил управляющим Донским пароходством. Впрочем, высокое положение не помешало ему укрывать у себя революционера Сашу Гегечкори.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Идеям революции он вовсе не сочувствовал – просто интеллигенция всегда недолюбливала власти и благосклонно поглядывала на бунтарей. Отсидевшись в гостеприимном доме, революционер продолжил подрыв основ самодержавия. А мой дед так никогда и не мог разумно объяснить, почему он, на свою голову и головы себе подобных, прятал беглого ссыльного».

После революции 1917 года, которую Головины не приняли категорически, отец, мать и трое сыновей бежали в демократическую Грузию, в Батуми, с конкретной целью – двигаться дальше. Но что-то не сложилось, и в 1921 году советская власть их все-таки «настигла». Они переехали в Тифлис, где и осели. Жили на Верэ, на улице Калинина, затем на Шерозия и, наконец, на Чайковского. Георгий Васильевич (он же – Юра)

Родители Владимира. 1945

Головин, будущий отец нашего героя, поступил в консерваторию по классу фортепиано. Подавал серьезные надежды, но после третьего курса ушел в армию. Вообще, его жизнь складывалась таким образом, что ему не раз приходилось начинать с нуля. Он прошел всю войну в военной разведке, участвовал в обеспечении Тегеранской конференции, и в семье Головиных долго хранился небольшой ковер – память о Тегеране-43. Вернулся с фронта майором и решил продолжить карьеру военного. Но...

Она действительно была какая-то необыкновенная и очень красивая. Когда Нюся Кац шла по улице, все как один восхищенно смотрели ей вслед. Юра влюбился, когда Нюсе едва исполнилось 15, а ему – 19 лет.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Однажды на Плехановском появился парень с верийской «биржи». Он оказался не в своем «убане» в одиночку. Точнее, не совсем, т.к. с ним была девочка-старшеклассница с улицы Калинина. Он влюбился и решил, что постоянно будет провожать ее до дома. По законам «биржи», парню, идущему

с девушкой, ничего не сказали. Но на обратном пути, конечно же, остановили. Во-первых, он представлял враждебный клан, а во-вторых, за девушкой пытался ухаживать Гога с Татьянинской улицы, свой. Пришельца с Верэ уже начали бить, кто-то, разгорячившись, поднял камень, когда появился Шурка Безрукий, непререкаемый авторитет у всех «ликих» своего района. Неуловимым движением скинув тапочек, он дал пощечину подчиненному, взявшему камень, и драка прекратилась. Безрукий повелел, чтоб дрались по-честному, один на один. А после того, как незваный гость побил по очереди пару «дарбазских», пригласил парня в духан. Там они подружились, и больше верийца на Плехановском и прилежащих к нему улицах никто не трогал... А Татьянинскую улицу в Тбилиси потом назвали именем жившего на ней Гоги – улицей Товстоногова».

Юра и Нюся поженились в 1945-м. Анкета кадрового военного должна была быть, разумеется, безупречной. Прежде всего – никаких родственников за границей. А у Нюси была тетя, мамина сестра, которая давным-давно уехала в Палестину... Никакой связи родственники не поддерживали. И вдруг, спустя много лет, она неожиданно написала письмо сестре. Конечно, письмо попало куда надо. Майора Головина вызвали для серьезного разговора, который не был долгим: «Зачем тебе такая жена? Или разведись, или документы – на стол!» Юра тут же швырнул документы и вышел, хлопнув дверью.

И опять надо было начинать с нуля. К тому времени уже родился Вова. Юра без работы, Нюся смотрит за ребенком, помощников нет... Пришлось помыкаться. Но потом Юре удалось устроиться в орготдел Грузсовета «Динамо», где он и проработал всю жизнь. А Нюся пошла в ВНИИ охраны труда. В это же время там работала Элла Маркман, они были дружны. Если кто запомнил, судьба Эллы – трагическая... В 1937-м отца, замминистра лесной промышленности Закавказья, расстреляли, мать отправили в Карлаг, а Эллу с сестрой Юлей

– в детский дом. Через четыре года она переехала к тете в Батуми, а после окончания школы вернулась в Тбилиси и вступила в подпольную молодежную организацию «Смерть Берии». В 1948 году всех подпольщиков приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. В 1956-м Эллу Маркман освободила комиссия Верховного Совета по пересмотру дел. И только в 1968 году ее реабилитировали.

Вова обожал ходить к Элле. Какие люди там собирались, какие разговоры вели! Более того, у него до сих пор хранится книжка – то самое первое послевоенное издание Есенина. Это подарок Эллы Моисеевны. Да, ему повезло с таким знакомством.

А еще ему повезло со школой – он окончил знаменитую 43-ю.

Из книги Владимира Головина «Головинский проспект»: «Мы и наши отцы учились в средних школах, которые имели право гордиться не названиями, а просто номерами. И такими же фирменными марками, как эти номера, были прозвища, по традиции даваемые директорам школ: Хечо в 20-й школе, Машка в 66-й, Буся в 48-й, Корсик в 43-й... Сегодня я

Второклассник Володя

Школьный вечер поэзии

приглашаю именно во владения Корсика, он же – Георгий Александрович Корсавели. Чтобы было видно, как при нем и при его предшественниках Сумарокове и Бзикадзе в 3-й мужской, превращающейся в 43-ю, учатся будущие композитор Микаэл Таривердиев, кинорежиссер Лев Кулиджанов, пианист Дмитрий Башкиров, теннисисты Александр Метревели и Алла Иванова, олимпийский чемпион по баскетболу Сергей Коваленко, писатель Александр Эбанидзе... Чтобы услышать исторические афоризмы Георгия Александровича: «Детка, детка! Ваши предки столько времени потратили, чтобы слезть с дерева, а вы, болван эдакий, упорно лезете на него!», «А вы одеты, как цавкисский мацончик! Вон отсюда! В пещеры, к готтенто-там!» Чтобы взглянуть на потрясающих учителей, таких, как историк Вадим Васильевич Приходько, в самый разгар «застоя» рассказывавший нам правду о «штурме» Зимнего дворца. Или выпускница знаменитого московского ИФЛИ (Института философии, литературы, искусства) Татьяна Георгиевна Шароева, презрительно бегло проходившая с нами классиков

соцреализма и массу времени уделявшая (страшно сказать – в те времена!) Зощенко, Ахматовой, Цветаевой. А ведь были еще и «литературные среды», организованные сменившей Корсика Ириной Александровной Гоциридзе – будущей директрисой ТЮЗа и одним из руководителей Театрального общества Грузии. И приходили на них к школьникам Расул Гамзатов, Иосиф Нонешвили, Чингиз Айтматов, Георгий Леонидзе, Владимир Солоухин...»

На «литературных средах» выступали не только знаменитые гости, но и сами школьники. Например, Вова Головин там впервые прочитал свои стихи. А в литературном кружке Дворца пионеров часто проходили конференции, и в девятом классе он получил диплом первой степени за сочинение о Ленинграде – это была его первая литературная премия.

Какой у него был характер? Говорят, гораздо хуже, чем сейчас. Больше всего ему доставалось от хрупкой Лены Шахназаровой из параллельного класса. Лена в принципе не выносила грубости (она и сейчас такая), а Вова в своей борьбе с дутыми величинами мог быть очень

резким (он и сейчас такой) – он считал, что должен непременно их разоблачить. Лену это приводило в ужас, и они все время схлестывались. Могли месяцами не разговаривать.

Вообще-то, Вова многое взял от своих родителей. От папы – очень сильное мужское начало, надежность, а еще – категоричность и в любви, и в неприятии людей. У Георгия Васильевича была знаменитая фраза: «Подлец! Спустить с лестницы!». Вова именно такой. Если кого-то любит, то все простит и оправдает, если не любит – даже не пытайся объяснять. А его потрясающее, необыкновенное чувство юмора – от мамы...

В девятом классе Вова определился с будущей профессией – сразу и навсегда. Однажды одноклассники пошли на «шатало» – в Дом офицеров, на фильм Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу». И после фильма Вова твердо объявил: «Я буду журналистом». Выбор был сделан. К вступительным экзаменам на филологический факультет университета они с Леной готовились вместе. Происходило это так: Лена говорила домашним, что идет заниматься к Вове, а он – что идет к Лене. А на самом деле десятиклассники

В армии

Ложа прессы молодежного Чемпионата мира по футболу-85

шли в кино – на экраны вышла серия фильмов о Фантомасе.

Конкурс на филфак был огромный. И Вова, и Лена (вот она, школа Шароевой!) блестяще написали свободные темы и получили пятерки. А потом, когда 1 сентября пришли в университет уже как студенты, на курсе объявили, что лучшее сочинение на вступительном экзамене написал Владимир Головин. И оно было торжественно зачитано. Председателем приемной комиссии в тот год был профессионал высокого класса и безукоризненно честный человек Дмитрий Чантуришвили.

Кстати, Вова получил пятерки по всем четырем экзаменам. В университете сразу же сформировалась замечательная компания – Вова, Лена, Рамзия Гаджиева, Миша Джинджихашвили, Дима Цитланадзе, Толя Гордиенко, Ира Купарадзе, Тома Кабоснидзе. Это оказалась дружба навсегда. Иных, увы, уже нет, а те – далече...

Вове – девятнадцатый год. Первое опубликованное стихотворение в «Вечернем Тбилиси» – «Судьба солдата на войне». Первый материал в «Молодежи Грузии». Через пару лет – практика в Москве. Невероятный опыт! Факультет журналистики ТГУ заключил соглашение с МГУ, и тбилисские студенты каждый год проходили практику в Москве. Вова целенаправленно хотел к Эдуарду Церковеру

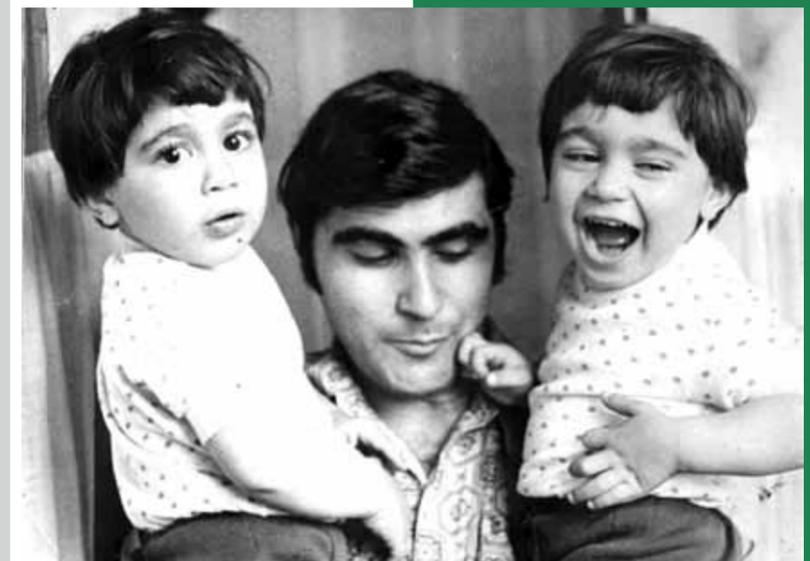
в «Неделю» – и попал именно туда. Он тогда сделал интервью с Юрием Никулиным, и Церковер, которого называли «королем интервью», сказал: «Мне тебя учить нечему».

А лето 1970-го выдалось страшным. Ребята были на военных сборах в Ахалкалаки. В этот момент у Вовы умер дедушка. И его не отпустили на похороны. А через две недели скончалась мама... Он вырвался на неделю. Из друзей никого в городе не было, кроме Лены – она упала на тренировке по скалолазанию в Ботаническом и только вышла из больницы. Вова с Леной бегали по всем ритуальным делам... Лена уви-

дела совершенно другого Вову – худого, убитого, потерянного... И так ей было за него больно... Потом он возвращался на сборы, и Лена вдруг почувствовала, что волнуется за него...

Да, отношения начали меняться... Как это проявилось со стороны Вовы? Кто-то ему одолжил на один день два номера журнала «Москва», где был опубликован роман «Мастер и Маргарита». Вова с Леной в тот момент умудрились в очередной раз поссориться. Он прочел роман днем, разыскал Рамзию и сказал: «Отнеси Ленке на ночь, утром я должен журналы вернуть. Если она этого не прочтет, я себе не прощу».

Счастливым отцом

На ленинградских крышах

А в конце четвертого курса он вдруг прочитал Лене посвященное ей стихотворение. Наверное, это было объяснение в любви... Но все оставалось тайной даже для самых близких.

После университета Вова на два года ушел в армию, в Кировбад. Но, чего уж тут скрывать, чуть ли не каждую субботу-воскресенье приезжал в Тбилиси. И вот он приезжает в очередной раз, они с Леной гуляют по Сокололаки, и на улице Лермонтова Вова говорит: «Меня отпустили на 4 дня, я сказал, что еду жениться. Если вернусь неженатым, меня на губу посадят. Ты поедешь со мной в Кировбад?» – «Поеду».

На следующий день они отправились в загс. Дали, простите, взятку – 25 рублей, и расписались. А потом отправились в квартиру на Чайковского, куда уже стекались друзья, прознавшие, что Головин, как всегда, приехал в Тбилиси на выходные. И никто, никто не знал, что они расписались. На столике в прихожей были выставлены два

паспорта со штампами – гости от изумления чуть ли не падали в обморок и немедленно бежали за едой и выпивкой. Чтобы вы представили себе, какая это была развеселая свадьба, откроем секрет: дело дошло до того, что невеста, стоя на балконе, палила из пистолета! А друзья тем временем заключали пари, сколько времени Лена и Вова продержатся вместе – два месяца или чуть больше. Это было в субботу, 21 сентября 1972 года. Вот и подсчитайте.

Через день молодожены прибыли в Кировбад. Вышли на центральную площадь. Там Лена увидела клумбу, на которой неторопливо жевал травку барашек. Владимир Ильич, видимо, стоял где-то в другом месте... Обещанной однокомнатной квартиры женившемуся лейтенанту так и не предоставили, и молодая семья мыкалась по съемным углам, пока один из сослуживцев Вовы не предложил им крошечную каморку в своей квартире. Туда могла втиснуться только кровать. Да и

той у них не было – обходились спальным мешком. Правда, вскоре командование торжественно выделило им железную солдатскую койку, и солдатики притащили ее со страшным грохотом. Так и жили... Главное – весело!

В Тбилиси Лена вернулась за 4 месяца до дембеля. Она ждала ребенка, ей надо было находиться под медицинским контролем. А он, тем временем, чудом выжил на учениях – разорвавшаяся рядом граната покалечила руку, а несколько осколков чиркнули по каске... Лена знала наверняка, что у нее будет девочка – институт Жордания первым в Союзе начал определять пол ребенка по анализу крови. Массу диссертаций защитили на эту тему! Потом, когда у Головиных родились два мальчика, Юра и Леша, Вова произнес очень много интересных (но непечатных) слов по поводу этих диссертаций.

После армии он подрабатывал внештатником, семья жила на скромные гонорары.

С Булатом Окуджава в редакции «Грузинформа»

А вскоре его пригласили в Грузинформ. И это были самые счастливые 15 лет в профессии. Директором был Темо Степанов, о котором Вова до сих пор вспоминает с великим уважением и огромной нежностью. Головин уходил на работу, как на праздник, и возвращался с улыбкой до ушей. Командировки, интересные встречи, замечательные люди...

Одна из самых запомнившихся командировок – в Сванети в 1987 году, когда там случился страшный сход снежных лавин. Он поехал туда на 2-3 дня. Прислал два материала и – исчез. Проходит три дня, четыре, неделя. Никаких известий. Лена постоянно звонила в Грузинформ: «Ничего?» – «Ничего». Потом ей звонил Вовин коллега Ян Горелов: «Лена, ничего?» – «Ничего». Из Сванети приходили ужасные новости... И вдруг через неделю – звонок. «Вы жена Владимира Головина?». У Лены упало сердце: «Да, это я». – «Не волнуйтесь, я радиолобитель. Ваш муж жив и здоров, просто они остались без связи». Как оказалось, из-за завалов связь пропала вообще. И журналисты передавали свои телефонные

номера группе радиолобителей, а те предупреждали родственников, что все в порядке.

Несколько дней журналисты из разных стран сидели без связи, ждали, пока распогодится. Потом за ними прислали вертолет. Но эти несколько дней надо было пережить... Статьи они написали очень сильные. И сделали книгу «Стихия и люди», где собрали материалы всех журналистов, поехавших в Сванети, не только грузинских. Книга получила премию Союза журналистов Грузии. Вова был членом редколлегии и одним из авторов. Между прочим, в Сванети он единственный раз в жизни не выполнил редакционное задание. Спасатели откопали 12-летнюю девочку, которая сутки пролежала под снегом в объятиях мертвой матери – та успела обхватить дочку и прижать к себе. Сама спасения не дождалась, но до последнего согревала дочку своим теплом. Из Грузинформа пришло указание, чтобы Головин сделал интервью с девочкой. Конечно, он отказался...

В Абхазию Вова летал два раза. Первый раз – зимой... Страшная поездка. Возвраща-

лись самолетом Як-40. Летели стоя. Потому что весь салон был заполнен ранеными и убитыми. Потом в один обыкновенный летний день Вова пошел на работу. В шесть часов Лена включила телевизор, чтобы посмотреть новости, и увидела картинку – Шеварднадзе прилетел в Сухуми, а рядом с ним – Вова. Она кинулась звонить Мише Джинджихашвили. «Да, Лена, – ответил друг и коллега, – Вова в Сухуми. Я тебе не звонил, чтобы ты хотя бы до вечера была спокойна». Тяжелая оказалась поездка... Ехали на два дня, а оказалось – на десять. Под обстрел попали, чуть не погибли... Оба раза Вова летал с Гоги Цагарели, замечательным фотомастером, и тот сделал потрясающие фотографии. Был, например, снимок, где Толя Гордиенко бежит под пулями, согнувшись...

В начале 90-х закрыли туристическое бюро, где Лена проработала много лет, и она, волей случая, тоже оказалась в Грузинформе. Вечерние дежурства, возвращение домой впотымах, копеечное жалование...

Из книги Владимира Го-

Интервью с аргентинским футболистом. Переводит художник Дж. Вепхвадзе (второй справа)

ловина «Головинский про-спект»: «Не забыл, как на ощупь возвращался сквозь чернильную тьму с вечерних дежурств в 94-м. За руку цеплялся плохо видящий коллега, и мы синхронно шарахались от редких прохожих, выныривавших вдруг из мглы. А они, в свою очередь, шарахались от нас. Не забыл и костры ночных хлебных очередей рядом с проспектом, их неровный свет – единственный, при котором можно было различить номер, записанный на руке...»

Наконец гражданская война окончилась, но жить становилось все хуже и хуже. Чем кормить стариков и сыновей-студентов? Бесконечными хлебными котлетами? И, конечно, периодически вставал гамлетовский вопрос – уезжать или нет? Кстати, когда Юра и Леша поступали в университет, оба написали свободные темы. Председателем комиссии, по удивительному совпадению, опять был Дмитрий Чантуришвили. Он прочитал их сочинения и сказал – это наверняка дети Вовы Головина. А ведь сколько лет прошло...

Однажды во время уборки Лена нашла старый паспорт Вовиной мамы. И Вова решил довериться судьбе: «Отнесу его в

своим родителям и дяде Юре, как она называла свекра. Шел месяц за месяцем. Лена таскала дрова и керосин, топила печку, стряпала. Потом у дяди Юры случился инсульт, начали лечение. Рядом с Леной все время были друзья – без них она бы не справилась... Слава богу, в тот период ее родители еще держались и даже ей помогали.

Добавим, что Ленин папа, Владимир Шахназаров, окончил Тбилисский ИИЖТ по специальности «мосты и тоннели», был любимым учеником знаменитого Кириака Самсоновича Завриева. Воевал с первого дня войны до последнего. Начал войну минометчиком, закончил – командиром роты. Удостоен орденов Александра Невского, Красной звезды, Отечественной войны первой степени и множества других наград. После войны Завриев брал его в аспирантуру, но тут партия бросила клич: строить Рустави. Для человека, который вступил в партию на фронте, призыв был руководством к действию. И он отправился не в аспирантуру, а на строительство Рустави. Потом работал в проектно институте Грузгипрострой. Его не отпускали с работы до 80 лет. Да и потом он все время консультировал... Владимир Шахназаров прожил 94 года, а мама Лены, Людмила Тартышникова, вы-

израильское посольство, а там – как будет, так и будет». Прошло какое-то время, и раздался звонок – готово приглашение на всю семью. Что же делать? Срывать детей с учебы? Оставлять родителей? А как они переживут зиму – с печками, свечками, дровами, керосином? И было принято непростое решение: Вова вывозит детей, а Лена остается помогать старикам –

На Всемирном поэтическом фестивале «Эмигрантская лира»-2016. Льезь

С директором «Грузинформа» Теймуразом Степановым-Мамаладзе

пускница экономического факультета ТГУ, – 92.

...А Вова с сыновьями тем временем налаживал жизнь в Израиле. Мальчиков сразу направили в кибуц. Распорядок там был четкий: день – учеба, день – работа. Леша работал в зоопарке, смотрел за животными, Юра – в яблоневом саду, ухаживал за деревьями. Они полгода провели в кибуце и вышли оттуда с таким знанием иврита, что с легкостью поступили в Иерусалимский университет и продолжили обучение на факультете славистики. Между прочим, прославились тем, что единственные получили по исторической грамматике по 100 баллов. На вопрос, как им удалось получить высшую оценку по такому сложному предмету, братья откровенно отвечали: «О, в Тбилиси у нас был такой педагог по исторической грамматике!» Речь шла, конечно, о знаменитой Элеоноре Львовне Кремер! Кто знал – тот помнит.

Кстати, в один из приездов в Тбилиси Булат Окуджава, прогуливаясь с другом по Тбилиси, вдруг остановился у первого корпуса университета и с испугом спросил: «А Элеонора Львовна еще преподает?» Выпускник филфака, Окуджава

не понаслышке знал, что такое историческая грамматика в Тбилиском университете.

В Израиле Вова учился в ульпане и работал в типографии. Это была физическая работа – на прессе. Конечно, он трудился и как журналист – писал для «Общей газеты» Егора Яковлева в качестве собкора на Ближнем Востоке, для американской газеты «Русский базар», для израильских «Новостей недели», печатался в альманахе «Иеру-

салимские страницы». Но прожить на гонорары было невозможно. Да и в Тбилиси надо было что-то отсылать. Поэтому и Вова, и сыновья работали еще и в охране. Это вообще в Израиле в порядке вещей...

Лена и дядя Юра пережили зиму, она его выходила, он уже начал ходить. И вдруг – обширный инфаркт, и все... Вова, конечно, примчался в Тбилиси... Это случилось в мае. А в начале августа Лена прилетела в Изра-

В Очамчире. 1992

Иерусалим. 1995

иль. И влюбилась в Иерусалим навсегда. Она до сих не понимает людей, которые, хотя бы раз побывав в Иерусалиме, уезжают жить в другой город.

Первые три недели были счастливыми. Утром 21 августа

1995 года сыновья поехали в университет по каким-то подготовительным делам – они как раз успешно сдали вступительные экзамены, Вова ушел на работу... И вдруг звонок. Говорят на иврите, Лена не понимает. «Рэга, рэга» (минутку)», – говорят ей. Вскоре раздается голос врача, говорящего по-русски: «Только спокойно, ваши дети попали в теракт, они целы, но есть повреждения, когда можно будет приехать, я вам позвоню». Проходит время. Звонок: «Можете приехать». У Юры и Леши лица были изрезаны осколками, а в остальном – обошлось... В тот день произошел теракт-самоубийство в автобусе Иерусалима. Четыре человека погибли, более 50-ти – получили ранения...

Жизнь шла своим чередом. Появились прекрасные друзья. По субботам ходили то к Исааку с Клавой на плов, то к Стелле с Борей на галушки, то к Лене с Вовой на лобио и пхали.

Все, конечно, работали. Были такие дни, когда члены семьи просто не видели друг друга – уходили и возвращались в разное время... Случился у Головиных и один, весьма примечательный Новый год.

Вова в новогоднюю ночь дежурил, а Лену вызвали в ресторан «Кенгуру», где она помогала друзьям Давиду и Лине Цискаришвили. Лена освободилась под утро, вошла в самый первый автобус, который вышел на маршрут. В пустом автобусе сидел один пассажир – Вова. Они поздравили друг друга с Новым годом и поехали домой... Это было 1 января 2000 года.

А случилось и такое. Както Лена с Вовой договорились встретиться с друзьями в кафе, попить кофе. Но опоздали на пять минут. Если бы пришли вовремя, то все вместе сидели бы в кафе, где тогда же прогремели три взрыва. Когда рванул первый взрыв, Вова закрыл собой Лену и их подругу Берту, просто впечатав их в стену...

После этого Юру, который вдруг выиграл американскую грин-карту, но уезжать, в общем-то, не рвался, родители, можно сказать, просто выпихнули в Америку – вместе с его семьей. Сейчас у Юры и Юли трое детей. Старшие Алекс и Кэти – студенты университетов, младшая Натали – старшеклассница, типичный гуманитарий, сочиняет стихи и сказки (может, в деда пошла?). В США Юра окончил

вторую магистратуру – по банковскому делу, работал в «Бэнк оф Америка». Сейчас у него с женой, дипломированным бухгалтером, свой бизнес.

Леша же после Иерусалимского университета окончил компьютерный колледж, колледж туризма и курсы компьютерной графики, прошел непростой конкурс и был принят в огромную фармацевтическую компанию «Teva». Женат. Его с Ланой бурная свадьба гуляла в Тбилиси, объединив израильских и тбилисских друзей. Правда, из пистолета никто не стрелял. Сейчас у Леши свое дело – он организует туристические туры для израильтян в Грузию, проводит экскурсии на иврите (ждать окончания пандемии осталось недолго – скоро все вернется на круги своя!). Лана работает по специальности – биотехнологии. Их старший сын Дани уже служит в израильской армии. Кстати, в боевых частях. А дочка Маша – первоклассница тбилисской школы – старательно выводит в тетрадке «аи аи».

У Головиных никогда не было разрыва с Тбилиси. Они регулярно приезжали в Грузию. И, наконец, вернулись окончательно. Вова почти сразу же начал публиковаться в газете «Разгадай кроссворд» у Вадима Геджадзе. Там и появились первые «Прогулки по Головинскому проспекту». Потом они с Вадимом придумали газету «Головинский проспект», которая просуществовала с 2005 по 2010 год. Тираж у нее был очень большой, и с каждой неделей становился все больше.

Надо сказать, что такого счастливого расклада Вова не ожидал. Приехав в Тбилиси, он даже не надеялся работать по профессии и поначалу думал устроиться в охрану... Но от Геджадзе ушел в одну секунду. Времена стали меняться, название газеты и ехидная «колонка редактора» вызвали неоднозначную реакцию. Однажды Вова пришел в редакцию и увидел, что газета переименована, а мнение редактора никого не интересует. Он тут же хлопнул дверью. Он хорошо умеет это делать – так же, как это умел его отец.

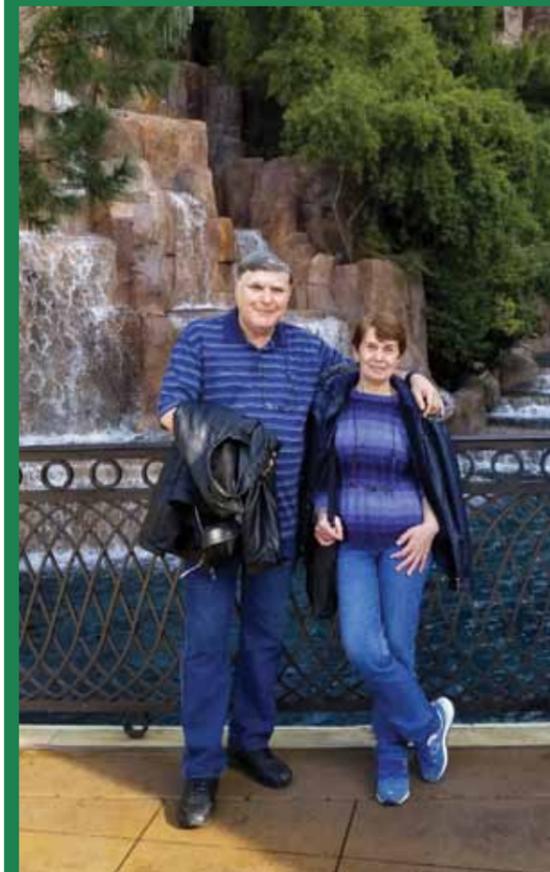
Без работы Владимир Головин, конечно, не остался. Его сразу же пригласили в «Русский клуб», и вот уже много лет его публикации украшают страницы журнала. За эти годы Вова написал много книг, получил не одну литературную премию, его пригласили стать членом Союза писателей Грузии, и он принял это предложение.

Сами понимаете, насколько это неблагодарное дело – рассказывать о книгах, очерках и стихах, написанных талантливым человеком... Их просто надо читать. Тем более в этих произведениях все тот же юношеский азарт, молодая душа, цепкий взгляд и та прекрасная самобытность, благодаря которой авторство Головина, как «по когтю», распознаешь мгновенно. Читайте, наслаждайтесь, молодейте!

Премии – это, конечно, прекрасно. Но это не самое главное. «На самом деле ему ничего не надо, – объясняет Лена. – Вове просто надо писать. Ему доставляет удовольствие сам процесс написания – подобрать слова, выстроить фразу. Если у него получается, то ему хорошо, он доволен жизнью и на все плевать – приготовлено что-нибудь или нет, убрано или нет... И не важно, будет написанное опубликовано или нет. В этом смысле Вова очень легкий человек. Главное – чтобы пришла идея, а он бы ее записал. Все!»

Как уже было сказано, свое первое классное интервью Владимир Головин взял у Юрия Никулина. У Юрия Владимировича было свое определение счастья: «Счастье – это когда утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой». Смеем сказать, что сегодня Владимир Головин счастлив. На работе его ждут любимое дело и любящие коллеги. Дома – любимая семья. Вы уже подсчитали? – через два года мы поздравим Головиных с золотой свадьбой!

А знаете, кто еще с нетерпением дожидается Вову Головина с работы? Цитируем: «Его Хвостейство барон фон дер Брыль, он же – Конрад Карлыч Михельсон, он же – гражданин Кацнеленбоген, он же – Морда-

С супругой Еленой в Лас-Вегасе

сов, он же – Котюня Котюхин и прочая, прочая, прочая. А в просторечии – котик Котик, на государственном языке – Котэ».

Скажем вам по секрету, никто и никогда не слышал, чтобы Вова, обожающий сыновей и пятерых внуков, сюсюкал с ними. А вот с котом... О, это отдельная тема! Его Хвостейство, единственный в мире, свободно манипулирует Владимиром Георгиевичем, и он с удовольствием подчиняется!

Знаете, мне кажется, что самое главное в жизни и творчестве Владимира Головина – это надежда. Ее ослепительный свет никогда не гаснет – он вдохновляет, воодушевляет, дарит силы всем, кто общается с Вовой и читает его строки. Например, такие:

*И в сердце, жить
надеждой смеюшем,
вдруг ощущаешь каждой
клеткою
зеленый лист, победно
реющий
над скинувшей серость
веткою.*

Вся Головинская рать. Тбилиси

Зураб Шеварднадзе

«РАЙ НА ЗЕМЛЕ»

Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

«Рай на земле» – так в народе называют саженцевое хозяйство Зураба Шеварднадзе, которое расположено на окраине Тбилиси. Официально оно именуется «Gardenia Shevardnadze», и помимо сада состоит из теплиц с саженцами и рассадой цветов, овощей и фруктов, маленького кафе и гостиницы. Впервые с творчеством Зуры (да, именно с творчеством, так как невозможно другим словом описать созданный им шедевр декоративного искусства) я познакомилась год назад, на празднике Тбилисоба, когда он представил публике утопающий в зелени «осенний сад»: букеты умопомрачительной красоты, корзины с цветами и фруктами, и наконец, великолепно сервированный праздничный стол, изысканному оформлению которого позавидовал бы любой дизайнер. Прежде чем достичь такого мастерства, Зура пришлось преодолеть множество преград, и его путь к успеху не был усыпан розами.

САДОВОД ИЗ АСКАНЫ

Зура Шеварднадзе – великолепный рассказчик, говорит с ярко выраженным гурийским акцентом, он родом из деревни Аскана, расположенной недалеко от Озургети, в Гурии. Зура хотел заниматься садоводством тогда, когда еще не знал, что такая профессия существует.

– С самого детства, сколько себя помню, возился с растениями. У меня были интересы, не свойственные мальчикам моего возраста: птички, огород, кролики, цветочки на подоконниках. Нас растили в атмосфере свободы, когда сейчас смотрю, как родители строго требуют с детей, водят их на огромное количество кружков – прихожу в ужас. Мы воспитывались достаточно вольно, но с правильными ценностями: «так нельзя, нена» (в Гурии слово «нена» – ласкательное обращение матери к ребенку), – говорили нам, «вот так будет лучше», «а этого не делай, неудобно», – сегодня многие дети даже не знают значения слова

«неудобно». Правильный образ жизни нам прививали простыми, доходчивыми методами: тебя умыли, опрятно одели, накормили, обласкали, поцеловали в лоб, дали наставления, и «выпустили в открытое поле», теперь ты сам отвечаешь за себя и решаешь, как поступать. Это ощущение свободы, когда ребенку полностью доверяют, осталось со мной на всю жизнь. Счастлив, что семья не препятствовала мне заниматься любимым делом. Мои родители, бабушка и дедушка, одарили меня такой любовью, что сегодня ее раздаю, раздаю, а она не иссякает, это огромное счастье. После окончания школы собрался поступать на биологический факультет ТГУ. Для сдачи вступительных экзаменов нужно было ехать в Тбилиси, трудное было время. На пятничный рынок в Озургети бабушка взяла одного козленка, которого у нее купил за тридцать лари, с условием, что животное не зарежут, а будут использовать только для осеменения коз. Два лари она потратила на дорогу и остальные двадцать восемь принесла мне, все переживала, – «как же это тебе хватит, нена?» У меня был билет на субботний поезд, который отпра-

Рай на земле – творение Зураба Шеварднадзе

лялся вечером. Утром бабушка отнесла второго козленка к тому же покупателю, и принесла мне другие двадцать восемь лари. Отвела в сторонку, попрощалась и благословила. Так, с пятьюдесятью шестью ларами в кармане мы с мамой сели на автобус до железнодорожной станции. В столице поселились у родственников матери. На улице Меликишвили. Соседка моей тети, профессор Гульнара Кикнадзе проверила меня, и успокоила маму, сказав, что на экзамене по биологии я получу «твердую» четверку. Вторая соседка, Нана Чеишвили, сказала, – «если этот мальчик также пишет, с каким диалектом говорит, мы пропали, он не сможет получить оценку по грузинскому языку». Нана дала мне задание, проверила написанный текст и облегченно вздохнула, оказалось, что писал я лучше, чем говорил. Сдал экзамены,

когда нашел свое имя в списке поступивших студентов, понял, что с той минуты моя жизнь сильно изменится. Пятьдесят шесть лари иссякли, в тот же вечер мы с мамой поехали поездом домой.

КИОСК У ДОРОГИ

– Мне было восемнадцать, когда я стал студентом. Поселился в том же доме у теток, на улице Меликишвили. Мои родные не смогли бы содержать меня из деревни, сам должен был что-то придумать. На троллейбусе № 11 ездил в высотный корпус университета. Напротив парка Ваке, у дороги, стоял неприглядный, большой железный киоск, в котором женщины торговали цветами, привезенными из Цавкиси. Подошел к цветочницам и представился, сказал, что в деревне часто делал траурные венки, и если они согласятся, покажу что могу. Мое предложение

не восприняли с большим энтузиазмом, но указали на ветки рододендрона понтийского и другие растения, сложенные в тени за киоском. Я согнул стебель ломоноса, прикрепил комоч мха, вставил тонкую гвоздику, неплохо получилось, вынес и положил на прилавок. Не прошло и десяти минут, как остановилась машина, из нее вышла толстая дама, вся в золотых украшениях, и купила венок за 15 лари. Обрадовался. В тот же день мне дали ключи от бывшего цветочного магазина, находящегося в подzemке, прибрал там все, привез из Гурии криптомерию, мох, высушенные гортензии, колосья проса, листья кукурузы и взял за дело. Скоро киоск преобразился, и в районе меня стали узнавать. По возвращении с лекций меня уже ждал прикрепленный к железной стене осколком магнита список: «один венок с фиалками – 10 лари.

Уголок в «Гардени»

Один венок с белыми розами (очень капризная женщина) – 25 лари, два букета – один для невесты, другой для – шафера, дочь Лейлы вышла замуж» и т.д. Продавщицы – тети Додо и Мариам, оказались простыми, но очень сердечными, душевными людьми, полюбили меня, как сына, ценили мой труд и заботились обо мне. У них было великолепное чутье: когда останавливалась машина, с букетом встречали покупателя. Не помню, чтобы они хоть раз ошиблись и клиент сказал, – «нет, этот не хочу, другой покажите», я удивлялся, как они угадывали – кому, что и когда надо предлагать. Это до сих пор меня удивляет.

Мариам скончалась несколько лет назад, а тетю Додо давно не видел, да и железный киоск уже не стоит у парка Ваке. Как-то раз был прохладный день, и я с удовольствием работал – подрезал кусты циненарии, когда передо мной появилась тетя Додо. Внуки привезли ее ко мне, как же я обрадовался! Все ей показал, сад и теплицы, она меня обласкала. Уходя сказала, – «совсем не удивляюсь, уже тогда было видно, что ты не успокоишься. Иди, иди, гость ждет, предложи ему этот цветущий куст олеандра, он точно купит». Господин Гоча купил все семь олеандров, которые намеревался посадить у ворот сво-

его двора в Багеби. Тетя Додо улыбнулась...

НАМ ВМЕСТЕ ЖИТЬ В ЭТОЙ СТРАНЕ

– Я вспоминаю еще одну старую историю, которую хочу рассказать вам. Тогда мне было двадцать лет, в пору моего студенчества. Послом ООН в Грузии назначили госпожу Хайди Тальявини. Она приехала в Тбилиси, сняла частный дом на Вере, и попросила мою знакомую, госпожу Цисану, ухаживать за садом за неслыханную в то время плату. Я помогал ей в тяжелых работах, где нужна была мужская сила. Она платила мне из своей зарплаты 20 лари в день, и все были довольны.

Когда возился в саду, госпожа Тальявини несколько раз заговаривала со мной, интересовалась,

Праздничный стол, оформленный Зурабом

В последние годы Зураб постоянный участник Тбилисобоа

где я учился, на что жил и какие у меня были увлечения. Несколько раз проявила внимание, преподнесла в подарок дорогостоящий ботанический альбом. Ей нравилось, что я отвечал на вопросы на ее родном, немецком языке. Однажды пригласила меня позавтракать, похвалила, сказала, что одно удовольствие смотреть, с каким усердием и любовью я работаю, помогаю Цисане. Объяснила, что предпочла бы, чтобы я взял на себя уход за садом, Цисану она бы уволила, а ее зарплату, для меня тогда столь неслыханную и баснословную, назначила мне. Я не задумываясь отказался, она удивилась и спросила причину. Ответил, что не предам человека, который обо мне заботится. После завершения миссии

она бы уехала на родину, а нам вместе жить в этой стране. Заметил, ей мой ответ понравился, она сказала, что с сегодняшнего дня будет платить мне то же жалованье, что и Цисане, и поручила нам вместе заботиться о саде. Так и проработали мы бок о бок пять лет, нашими стараниями все вокруг расцвело. Это было большим подспорьем тогда, я многое смог сделать с полученной зарплатой.

Через три месяца после отъезда госпожи Тальявини я получил по почте большую папку. Оказалось, она дала интервью немецкому журналу, эмоциональный текст женщины, влюбленной в Грузию и грузин, начался со слов молодого грузинского садовода, – «после вашего отъезда

нам вместе жить в этой стране»... Часто, когда мрачные мысли одолевают меня, вспоминаю Цисану, госпожу Тальявини, эту историю, мою бабушку, выросшую вместе со мной, и все проходит...

После университета была учеба в Германии, где в течение нескольких лет Зураб проходил практику в лучших ботанических садах страны, приобрел там много друзей и советчиков, с которыми до сих пор поддерживает теплые отношения, а своего профессора даже пригласил погостить в родную Аскану. Возвратившись в Грузию, Шеварднадзе уже обладал достаточным опытом, чтобы начать свое дело – оформлять офисы, планировать ландшафт дворов и садов. Постепенно собрал деньги и купил участок земли для собственного сада.

САД ВМЕСТО МУСОРОСВАЛКИ

«Гардения» расположена недалеко от Тбилисского моря, где раньше было саженцевое хозяйство. Когда Зураб приобрел этот участок, здесь не было ни ограды, ни ворот, а только болото, полное строительного мусора. Как отметил Шеварднадзе, истории многих знаменитых садов начинались примерно одинаково – на их месте была мусоросвалка. В результате самоотверженного труда садовода заброшенная территория превратилась в настоящий Эдем. Здесь есть все, что должно быть в саду, в классическом понимании этого слова: аллеи, дорожки, пруд, фонтан и множество растений: гортензии, азалии, остинские розы, глицинии, суккуленты... Сад все время заполнен посетителями: ворота открываются в 9 часов утра, а закрываются в 10 часов вечера, за вход нужно брать билет, стоимость небольшая – 2 лари. В год сюда приходит более 100 тысяч визитеров. Здесь же функционирует оформленное с большим вкусом «Маленькое кафе» со скромным, но полезным меню.

– «Гардения» – это сад, но без людей он теряет свою привлекательность, сад должен служить людям. Посетители, которые приходят осматривать растения, обязательно остаются в уютном кафе, попить чай, кофе или сок, попробовать свежеспеченный пирог, блины. У меня хорошо

Тбилисоба-2019

получается угощать людей здоровой пищей, много желающих, которые говорят, – «не хотим блюда, приготовленные продуктами, привезенными откуда-то, хотим, как это ты делаешь – предложи нам мчади и сыр». Верные поклонники «Гардении» приводят сюда приехавших к ним гостей, и показывают им сад как местную достопримечательность...

«Гардению» посещают коллеги и друзья Зуры Шеварднадзе, в том числе иностранцы. По признанию садовода, ему хотелось поселить этих людей недалеко от себя, – «когда они проживают в гостинице в городе, для меня это неудобно. Поэтому принял решение о строительстве гостиницы на территории «Гардении», – отметил Зура. Это достаточно большой дом, в нем шесть номеров для гостей, большие, залитые солнцем комнаты со старинной мебелью, стены украшены изображениями цветов. Гостиницу построили сравнительно легко и недорого. «Для обустройства номеров ничего покупать не пришлось: старинные вещи у меня в большом количестве, если встречается какой-либо предмет по доступной цене, который нужно немно-

Дверь в волшебный мир «Гардении»

В доме своей мечты

го подрастворивать, обязательно покупаю. Используя их, как бы дарю им новую жизнь. У меня ничего не пылится на полке, всему нахожу должное применение: посуде, мебели, глиняному горшку, старым бутылкам», – признался Зура. На первом этаже гостиницы – открытая, просторная терраса, предназначенная для церемоний и проведения разного рода мероприятий. Она пользуется особой популярностью среди посетителей, и желающим отметить какое-нибудь событие приходится выстраиваться в очередь. Терраса уже стала местом встречи многих известных деятелей культуры – ансамбль Сухишвили и Нани Бреговдзе провели здесь концерт, а на одном званом вечере Нино Ананишвили и Николай Цискаридзе даже станцевали импровизированный танец «Картули». В период эпидемии коронавируса верюта «Гардении» временно закрылись, но Зура и теперь, в это сложное время, нашел выход: саженцы и рассаду он продает через окно, с соблюдением всех принятых регуляций. Надо было видеть, как желающие приобрести растения стояли на

опустевшей улице, на расстоянии двух метров друг от друга, дисциплинированно дожидаясь своей очереди.

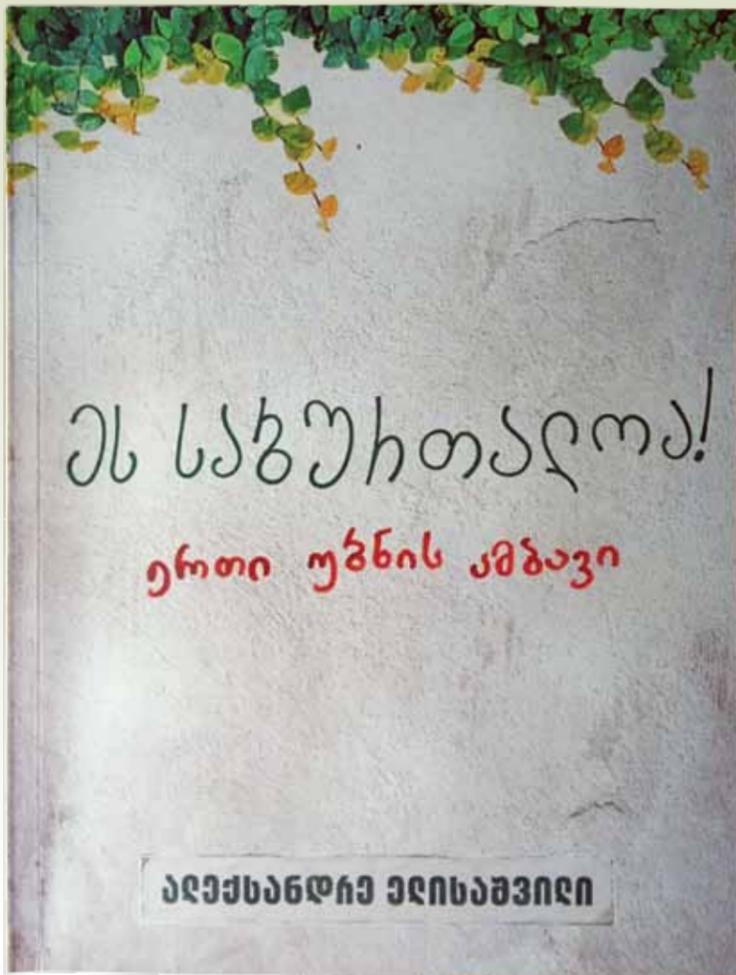
ТАБЛИЦУ УМНОЖЕНИЯ НЕ ЗНАЮ

Зура не получал специального бизнес-образования. Уже в процессе работы у него появляются идеи, которые дают возможность развивать бизнес в разных направлениях. Это свойство он называет чутьем. Однако он всегда подчеркивает, что его основным занятием остается садоводство – «без этого дела не хочу прожить и дня, все делаю для того, чтобы остаться садоводом». Формулой достижения успеха Шеварднадзе считает самоотверженный труд, любовь к своему делу, чутье и энергию. «Я с семи часов на ногах, все время работаю. До прихода моих сотрудников два часа занимаюсь своими делами: пишу письма, читаю, ищу информацию. После ухода сотрудников тоже работаю». Во время учебы в Германии его педагога на личном примере показывали, как нужно работать, поступать в той или иной ситуации, как жить, Зура говорит, что до

конца жизни будет благодарен этим людям.

– Не знаю таблицу умножения, не умею считать, может, говорю ужасную вещь, но я не стыжусь этого. Не клянутся у меня отношения с финансами – не мое это дело. Когда пересчитываю деньги, каждый раз получаю разную цифру. Никогда не писал бизнес-план, не понимаю, что это такое. Когда хочу что-нибудь сделать, я не думаю о том, чтобы что-то спланировать и написать, думаю, как нужно сделать, чтобы замысел осуществился. Один эксперт из Германии провел у нас три недели, изучая систему, по которой работает «Гардения», по истечении этого срока написал необычайно интересное заключение: «деятельность этой компании не совпадает ни с одной известной мне бизнес-моделью. Для меня эта формулировка бизнеса непонятна, но факт, что это дело развивается и приносит доход».

Фотографии с Facebook сайта «Гардении», фотограф Закария Челидзе. Также несколько фото автора статьи Кетеван Мгебришвили.

САБУРТАЛО. ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЙОНА

■ **Медая АМИРХАНОВА**

Александр (Алеко) Элисашвили – журналист, политолог, общественный деятель известен еще своими нетривиальными турами по Тбилиси. Его всегда интересно послушать, открыть для себя что-то новое о своем родном городе. Такова его книга «Это Сабуртало! История одного района». Написанная им совсем недавно, сразу привлекла к себе внимание. Презентация проходила в саду Букия,

а спустя неделю Элисашвили провел тур по следам книги. «Сабуртало – это мой первый мир, первая Грузия, – говорил Элисашвили на презентации. – Я здесь родился, научился ходить. Жил на пересечении улиц Павлова и Пекина. Тут многое со мной случилось впервые: влюбился, подрался, подружился, пошел в школу... Сабуртало для меня – место особых эмоций. В течение многих лет, когда

я что-то писал или читал о Тбилиси, всегда выделял события, касающиеся Сабуртало».

Теперь они вместе с личными воспоминаниями собраны в книгу.

«Северо-западной границей исторического Тбилиси была Вера, та же Вере». Состав Вере – территория ущелья одноименной реки, деревня Вардисубани, поселения Ваке и Сабуртало. Так что «Сабуртало был Верой!» – заключает Элисашвили.

В XIII веке словом «Вере» называли ущелье. Предположительно, деревня Вера располагалась на месте нынешнего университета. «Самый старый из дошедших до нас архитектурных памятников Веры – Голубой монастырь. Он построен на стыке XII-XIII веков». Храм носил имя святого Андрея – сохранилась девятистрочная надпись над входом.

Веру в старину именовали и не совсем приличным словом, которое в переводе с грузинского обозначает... «птичий помет». Кто, когда и почему прикрепил к ней такое прозвище – неизвестно.

Есть в книге также версия происхождения слова «Сабуртало». Возможно, оно связано с игрой в мяч. Не исключено, что сабурталинское поле использовалось для игры в мяч.

В XVII-XVIII вв. Сабуртало упоминается в исторических документах, как поле. «Но археологический материал указывает, что сабурталинское поле было густозаселенным в XI-XIII вв.». «В окрестностях Делиси, на глубине пяти метров, оказалось поселение времен энеолита. Этого же периода оказались поселения, найденные у высотного корпуса университета, недалеко от здания Бактериофага, на пути к озеру Лиси и т.д.».

Словом, до XIX века эта территория пустовала – итог многочисленных нашествий. Но по сабурталинскому полю шла важная дорога, которая связывала город с деревней Дигоми. Там, где ныне площадь Героев, дорога из города пересекала речку Веру по мосту. Его построили в 40-х годах XVII века, при царе Картли Ростом-хане. Выполнил работу Ходжа Бех-

Так начиналась застройка Сабуртало

буд, «начальник финансовой службы». Параметры старого моста – 70 метров в длину и шесть метров в ширину. Мост подвергался переделкам в разные периоды. В 1932 году он утратил свою функцию, так как во время реконструкции площади возвели новый мост. Однако простоял до 60-х годов, а потом его снесли. Элисашвили считает это решение большой ошибкой.

В XIX веке для защиты Тифлиса и Военно-Грузинской дороги на левом склоне Верийского ущелья построили контрольно-пропускные пункты. «Позднее, к концу XIX века, на склоне против нынешнего цирка и рядом с библиотекой Академии наук (современной – М.А.) построили казармы, из-за чего впоследствии тбилисцы называли этот склон «казарменной горой». Часть старых казарм разрушили в 1932 году, при строительстве моста Челюскинцев. «Но несколько строений сохранились почти в неизменном виде.

Центральная магистраль района

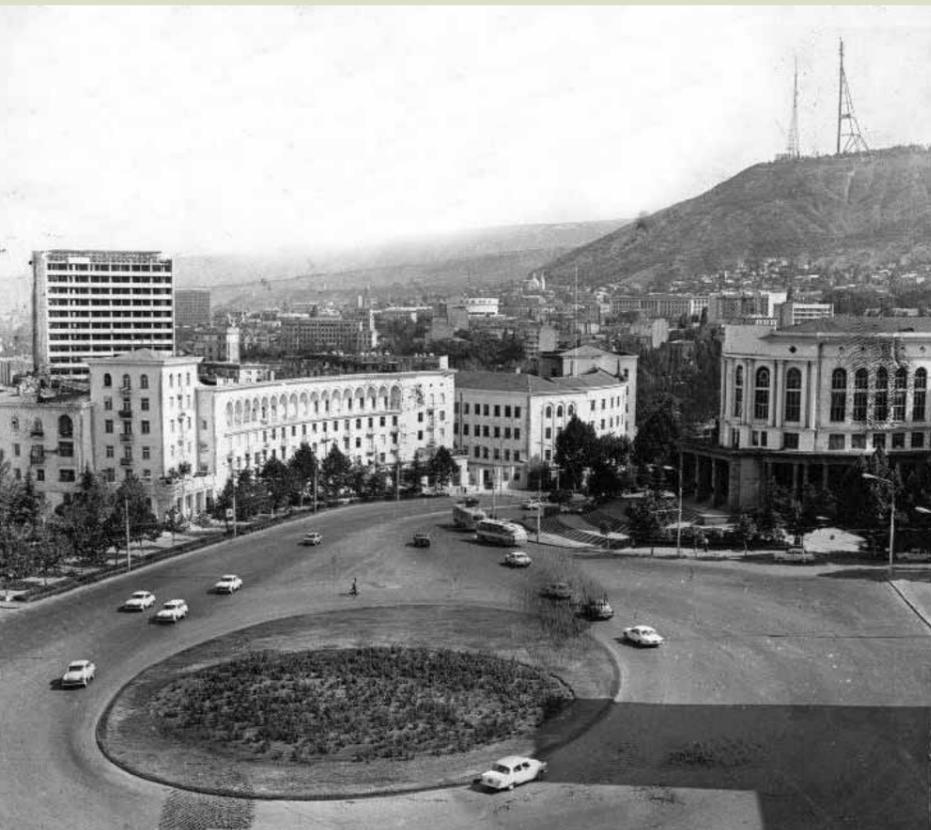

Конечно, никто не помнит, что в этих толстостенных кирпичных зданиях были размещены русские солдаты, защищавшие военную дорогу к Тбилиси».

«В XIX веке вновь начинается застройка Сабуртало. Понемногу появляются маленькие жилые дома. В ущелье реки Веры раскинулась зеленая, тенистая роща, полная фруктовых деревьев. Духанчиков и садоводов, которые увидели здесь возможности для бизнеса, и следует считать первыми сабурталинцами», – отмечает Элисашвили.

К слову, с фруктовыми садами связан топоним – улица Хилиани. Так ее давно прозвали в народе. И хоть название у нее уже иное – имени Симона Чиковани, сабурталинцы и тбилисцы часто пользуются прежним – Хилиани.

Духаны в ущелье Веры держали Гиорги Арчвадзе, Датио Ростиашвили и другие. Молокане-скотоводы поставляли мясо и молоко, ассирийцы-тулухчи – воду... Заведения имели броские, креативные названия – «Фантазия», «Не уезжай, голубчик мой» (переименовали строку из популярного тогда романа) и др.

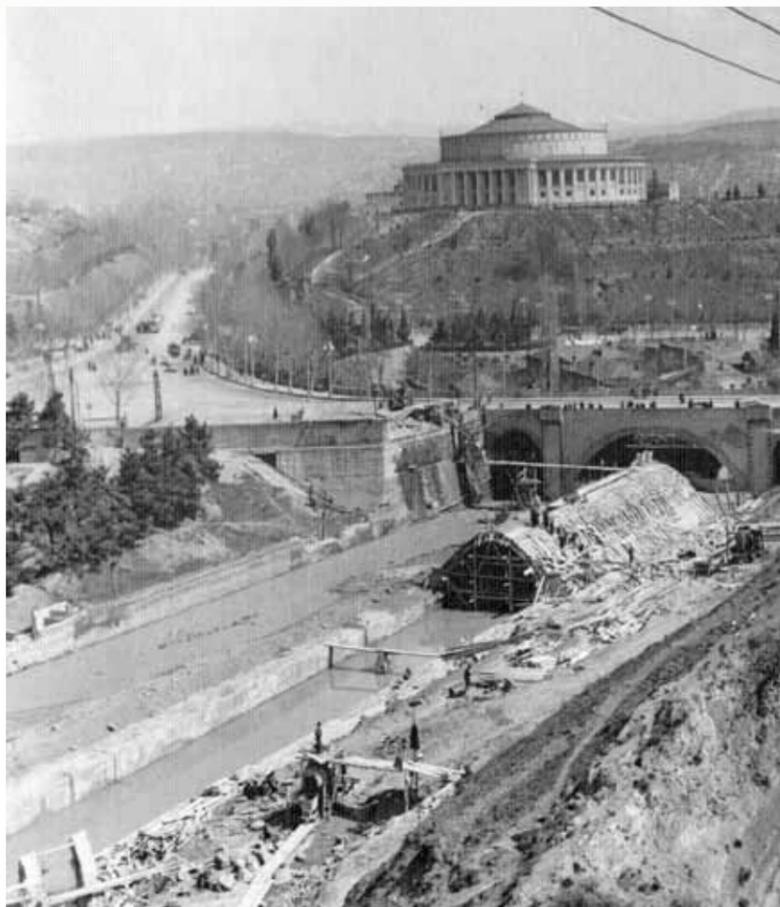

Площадь 26 мая

«В грузинской прессе начала XIX века встречаем интересные новости по поводу присоединения Сабуртало к Тифлису. Например, газета «Иверия» в номере от 3 марта 1903 года писала, что жители Сабуртало желают, чтобы он стал частью города, так как город потом позаботится об упомянутой территории. Но против тамашние князя Габашвили, утверждающие, что город заставит их потратиться, а благоустроить ничего не станет». Правление города поручило заняться вопросом присоединения Василу Черкезишвили и землемерам. «Несколькими годами ранее (2 декабря 1900 года) газета «Цнобис пурцели» писала, что Васил Черкезишвили обязал инженеров изучить вопрос присоединения Сабуртало к городу; осмотреть, где можно построить здания, где и сколько улиц можно провести».

«Несмотря на сопротивление князей Габашвили, Сабуртало официально присоединился к Тифлису в конце 1917 года». «Но он предстал... не только как обитель духанов». В Сабуртало (на нынешней улице Шартава)

Вид цирка со стороны Варзисхеви

стояла грузинская православная церковь. Имелся свой театр и библиотека. В газете «Эртоба» 1918 года упоминаются и театр, и библиотека. Хотя и в грустном контексте. Отмечается, что Сабуртало – окраина города. Нет трамвайных линий, темные улицы по ночам. Тревожная криминальная обстановка. Народ не может ходить на представления и др. Правление театра и библиотеки просит всех, кто может, поспособствовать благоустройству.

Книга также рассказывает о застройке Сабуртало в советский период, о внешнем архитектурном облике района, начиная с 90-х по сей день. О том, как происходила коммуникация Сабуртало с другими районами города. О выдающихся архитектурных памятниках. Самым значимым объектам Элисашвили уделены отдельные главы.

Тбилисскому зоопарку скоро без малого 100 лет. Ведь его открыли 10 февраля 1927 года

Площадь Героев

на месте, где раньше располагались верийские духаны. На первых порах за пополнение зоопарка отвечали грузинские охотники. Звери были отечественные, пойманные на территории Грузии. Зоопарк появился по инициативе Г. Хансона.

Элисашвили пишет, что место для зоопарка изначально выбрали неправильно. И напоминает о прошлом печальном опыте, который не учли. Река Вера и раньше затопляла зоопарк: 4 июля 1960 года, 7 июня 1972 года... 13 июня 2015 года мы были свидетелями самого разрушительного наводнения.

Элисашвили отмечает, что первый генплан города появился при Берия. В 1932-1935 гг. по его инициативе построили мост Челюскинцев и связали Ваке и Сабуртало с железнодорожным вокзалом. Знаменитый стоквартирный дом (одиннадцатизэтажка) на площади Челюскинцев (ныне – пл. Героев) тоже вырос в этот период (1937 год). Этот дом архитектора Михаила Калашникова придавал площади законченный вид.

Название площади – «Челюскинцев» – продуманный ход Берия. В 30-х годах прошлого

века советский ледокол «Челюскин» застрял в Северном ледовитом океане. Экипаж (104 человека) смогли выжить в сложнейших условиях полярных летчиков. Громкая история, использованная Берия для пиара.

В главе про «Красный сад» узнаем, что это... бывшее кладбище. У сада есть официальное название – имени Васо Годзишвили. После Второй мировой войны рядом с кладбищем построили бараки для пленных немцев и японцев. Они внесли свой вклад в строительство Сабуртало.

Несколько лет назад, когда разрушили общежитие медицинского университета (это напротив «Красного сада»), в одной из стен нашли большую коробку. И в ней множество фотографий немецких пленных, их письма, памятные вещицы. Коробку передали посольству Германии. Элисашвили на презентации книги признался, что хотел бы устроить выставку в «Красном саду».

Бывший ипподром, который, как нам уже известно, через два года превратится в центральный парк Тбилиси, приду-

мал построить офицер безопасности Капитон Начкебия. В свое время он сопровождал Сталина на Тегеранскую конференцию (1943 г), и, как часто случалось с приближенными вожда, впоследствии был сослан в Казахстан. Вернулся в Тбилиси уже при Хрущеве и включился в строительство ипподрома.

«2 мая 1959 года торжественно открылся ипподром. Он занимал территорию в 56 га, имел три скаковых круга: 1680, 1600 и 1580 метров. Имел т.н. трассу «стиль-чез», 10-тысячную крытую трибуну; на территории ипподрома были расположены манежи – открытый и закрытый, две конкурсные площадки, 11 конюшен».

Элисашвили делится информацией, услышанной в советское время по секрету от военных. Неслучайно ипподром в Делиси такой большой. Он задумывался как трансформер: в случае нападения НАТО его могли бы переделать в военный ипподром.

Автор упоминает в книге забытые имена (и за это заслуживает уважения). К примеру, многие из нас пользуются услугами Национального архива,

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ

ВПЕРЕДИ НЕИЗВЕДАННОЕ!

Как говорили классики, конец, который бывает всему, настанет. Придет момент (ждать, скорее всего, осталось не очень долго), пандемия окончится, и театр снова откроет свои двери. Как театр готовится встретить окончание вынужденной изоляции, с чем выйдет к зрителю? С этими вопросами «Театральный Вестник» обратился к руководителям Грибоедовского театра и нашим коллегам.

Автандил ВАРСИМАШВИЛИ, худрук Театра им. А.С. Грибоедова: «Пандемия и долгая пауза вызвали переоценку многого. Думаю, нам надо пересмотреть и репертуарную политику театра. Зритель сегодня находится в депрессивном состоянии, поэтому мы просто обязаны взять курс на более развлекательные, более позитивные спектакли».

мы начинаем, только ждем подходящего момента, пушкинскую «Пиковую даму» и детскую сказку. Конечно, очень досадно, что чрезвычайная ситуация сорвала или отложила на неопределенный срок все планы. Но я уверен, что все утрясется, все наладится, все вернется на круги своя. И я снова, обращаясь к нашим зрителям, повторю слова Д'Артаньяна из великого спектакля Сандро Товстоногова «Три мушкетера»: «Мы встретимся, друзья мои, обязательно встретимся!»

все вышесказанное, я искренне считаю, что без государственной поддержки театрам будет крайне сложно справиться с кризисом. Я также уверен, что гораздо предпочтительнее играть для зрителей пусть даже в условиях ограничений, чем использовать онлайн-или телевизионные платформы».

Левон УЗУНЯН, режиссер Тбилисского армянского театра им. П. Адамяна: «Окончание пандемии театр должен встретить праздником. Не праздником окончания пандемии, а праздником победы над пандемией. Праздником свободы от страха, от недоверия, от масок, перчаток и социальной дистанции! Театр должен встретить зрителя праздником окончания войны и, наверное, (как ни банально это звучит) он будет со слезами радости на глазах. Конечно же, к зрителю театр должен выйти со спектаклем. Но это должен быть не какой-то очередной репертуарный спектакль, а совершенно новый и по стилю, и по содержанию спектакль. За месяцы карантина люди привыкли сидеть дома. Они стали «онлайн-зависимы». Вывести зрителя из дому и привести его в зрительный зал – вот самая большая проблема, которую нужно

Андро ЕНУКИДЗЕ, худрук Батумского драмтеатра им. И. Чавчавадзе: «Все зависит от сроков. Когда зритель сможет войти в театр? Я подчеркиваю – именно в театральный зал, а не в открытое пространство. Если зрители хотя бы весной заполнят залы, то грузинские театры достойно выйдут из кризиса, вызванного пандемией, разумеется, с соблюдением всех регуляций. Но у нас должна быть возможность репетировать, чтобы встретить публику новыми спектаклями, подготовленными за этот период. Репетиции абсолютно необходимы для того, чтобы профессионалы не потеряли своей формы. Несмотря на

Николай СВЕТИЦКИЙ, директор Театра им. А.С. Грибоедова: «Для меня очевидно одно: ни при каких обстоятельствах театр не должен прекращать работу. У нас практически готов спектакль «Записки сумасшедшего» по Николаю Гоголю. В работе – комедия «Иван Васильевич» по Михаилу Булгакову. Вскоре

Современная застройка Сабуртало

не раз бывали в этом здании по делам или на мероприятиях. Но спроси, кто архитектор, мало кто ответит.

Валерия Хаджибейли-Чхенкели (запомним!) спроектировала это здание в 1965 году. Одновременно со строительством архива стали возводить дома для его будущих работников. Для Валерии Хаджибейли-Чхенкели проект оказался роковым: во время одной из проверок она сорвалась с верхнего этажа здания и погибла...

По мнению Элисашвили, два объекта, построенные в советский период, заслуживают признания их шедеврами. Ресторан на Мтацминда (авторы – З. и Н. Курдиани) и бывшее министерство транспорта, ныне центральный офис «Сакартвелос банки» (авторы – Г. Чахава и З. Джалагания). Про второе здание газета «Нью-Йорк таймс» написала: «Для запада неожиданное открытие, разрушившее многие стандартные клише о поздней советской архитектуре».

Многие советские памятники, установленные с помпой, постигала потом участь изгоев. Открывалась истина, менялось отношение народа к истории. В книге рассказывается про памятник Орджоникидзе. Какой-то период Сабурталинский район именовался Орджоникидзевским. Автору книги тогда было

11 лет, и он каждый день ездил на тренировки на троллейбусе №13. Маршрут пролегал мимо памятника – тот постоянно был заляпан свежими яйцами. Даже дежурство нарядов милиции никак не меняло ситуацию.

Рассуждая о судьбе изгнанного памятника (демонтаж 10 октября 1989 г.), Элисашвили предполагает, что скорее всего его разделили на части, и продали как лом в Турции, сорвав большой куш. Но стоило поступить умнее, как сделали в Прибалтике: собрать памятники ушедшей эпохи в одном пространстве, показывать их тури-

стам, и зарабатывать на этом.

«88 страниц объяснения в любви к Сабуртало», – так охарактеризовала книгу культуролог Цира Элисашвили. – Материал для всех поколений. Кто-то вспомнит прошлое, молодежь откроет для себя совершенно новое. Для кого-то посыл: чтобы нам не остался Тбилиси, о котором читаешь лишь в книге».

В книге использованы фотографии из Национального архива Грузии, из собрания «Tiflis hamkari», а также снимки, предоставленные «фейсбук-друзьями» Элисашвили.

будет решать театру. А для этого необходима качественно новая форма подачи. Обычной рекламной нарезки недостаточно. Возможно, спектакль должен начинаться онлайн, дойти до основной интриги, а уже потом надо будет пригласить зрителя досмотреть спектакль в зрительном зале. Возможно... В любом случае, об этом нужно думать уже сегодня. Завтра будет поздно!»

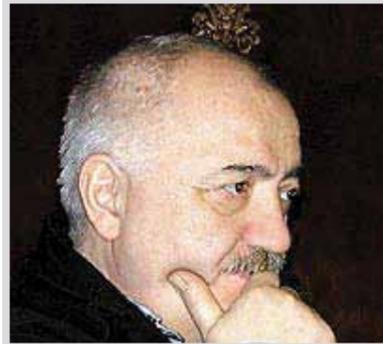

Екатерина МАЗМИШВИЛИ, директор театра имени К. Марджанишвили: «В начале локдауна мы показали онлайн несколько наших спектаклей, но только те, что были сняты технически очень хорошо. Сейчас у нас полным ходом идут репетиции. Художественный руководитель Леван Цуладзе завершает работу над

«Преступлением и наказанием» Федора Достоевского. В конце ноября будет премьера, но без публики, без журналистов. Тинатин Цуладзе репетирует физический перформанс. Ставит спектакль и Темур Чхеидзе. Работаем с современными технологиями и осуществляем маленькие эксперименты. И будем ждать лучших времен. Хорошо, что есть возможность хотя бы репетировать. Чтобы не сойти с ума и сохранить творческую форму».

Зураб ГЕЦАДЗЕ, директор театра имени М. Туманишвили: «В данный момент в нашем театре идут репетиции. Я ставлю спектакль «Гамлет/машина» Хайнера Мюллера. Если технически получится, попробуем сыграть премьеру в онлайн».

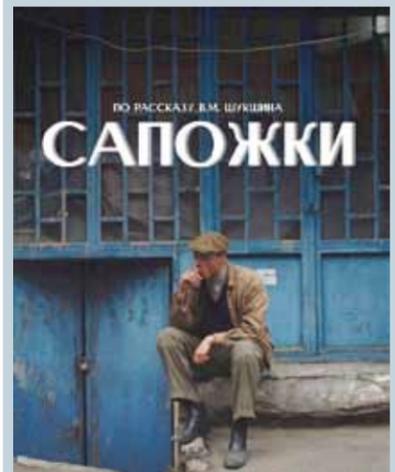

Роберт СТУРУА, художественный руководитель Театра им. Руставели: «Я репетирую. Это свободная импровизация на тему Фауста. Но не Гете, а легенды о докторе Фаусте. Впереди неизведанное!»

Хочется напоследок вспомнить слова Гете: «Театр не есть страна реального; в нем картонные деревья, полотняные дворцы, тряпичное небо, стеклянные бриллианты, поддельное золото, румяна на щеках, солнце, выходящее из-под земли. Театр в то же время – это страна истинного: на сцене – человеческие сердца, за кулисами – человеческие сердца, в зрительном зале – человеческие сердца».

МОСКОВСКАЯ КИНОПРЕМЬЕРА ИВАНЭ КУРАСБЕДИАНИ

С 12 по 17 ноября 2020 года в Москве прошел II Международный фестиваль кино стран Содружества «Московская премьера». В конкурсных программах фестиваля приняли участие карти-

ны из Азербайджана, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Литвы, России, Узбекистана, Украины.

14 ноября в рамках Конкурса короткометражных фильмов состоялась премьера картины «Сапожки» (Грузия – Россия) по одноименному рассказу Василия Шукшина. Режиссер – Елена Котихина. В главной роли – Иванэ Курасбедиани (кстати, в картине заняты еще два грибоедовца: Владимир Новосардов и Софи Чалашвили). Художественный руководитель фестиваля, член Российской академии кинематографических искусств, лауреат Премии Москвы Вячеслав Шмыров традиционно очень внимателен к достижениям грузинского кино. Так, в программе гала-премьер – фаворит последнего кинофестиваля в Сан-

Себастьяне грузино-французский фильм Деи Кулумбегашвили «Начало», получивший «Золотую раковину», главный приз фестиваля за лучший фильм, «Серебряную раковину» за лучшую режиссуру, «Серебряную раковину» за лучшую женскую роль – ее получила актриса театра Руставели Иамзе Сухиташвили.

В ретроспективе «Дружба народов» прошел сеанс, посвященный памяти Георгия Шенгелая. На закрытии фестиваля была продемонстрирована картина Дмитрия Мамулия «Преступный человек» (Грузия – Россия).

Картина «Сапожки» начала свой путь к зрителю. Пусть ее премьера и экранная судьба будут успешными и долгими, а «киножизнь» Иванэ Курасбедиани – долгой и счастливой.

ИСПОВЕДЬ БЛИСТАТЕЛЬНОЙ АКТРИСЫ

Елена Килосанидзе

«Я вижу лица, множество лиц – вас, знакомые и незнакомые, вас, прохожие, которые узнают меня по походке. Ради вас я пою, нередко из последних сил, и ради вас я готова умереть на сцене. Это моя исповедь. И все, чего я хочу, это то, чтобы услышавший меня, сказал: «Ей многое простится, потому что она много любила» – финальные слова монолога коронной роли Народной артистки Грузии Нелли Килосанидзе. В образе Эдит Пиаф актриса выходила на сцену десятки раз, и на каждом спектакле проживала трагическую судьбу великой певицы как впервые, отдавая роли всю себя – любя, умирая и вновь возрождаясь из пепла в песне-исповеди. Благо, сохранилась запись одного из спектаклей «Эдит Пиаф» с участием Елены Александровны. И поразительно – он нисколько не устарел, и запись не мешает восприятию и оценке ее игры. Да и не игра это вовсе, а акт творческой самоотдачи! Только так и возможно, когда речь идет о жизни и песнях «французского воробышка». Эдит Пиаф стала одной из любимых ролей Нелли Килосанидзе и надолго сохранилась в памяти тех, кому посчастливилось побывать на этом спектакле.

Утонченная и аристократичная, нежная и женственная, сильная и экспрессивная – такой тбилисский зритель знает и помнит Елену Александровну Килосанидзе – увы, в 1990-е актриса уехала из Грузии.

Актёрская судьба Нелли с самого начала сложилась на редкость счастливо – это истина неоспоримая! За семь творческих лет она сыграла больше двадцати главных ролей. Чаще всего она воплощала на сцене современниц и всякий раз находила точный ключ к раскрытию образа.

По-настоящему звездной ролью для юной Нелли стала дебютная работа в спектакле «Вид с моста» А. Миллера в постановке выдающегося режиссера Михаила Туманишвили.

Через год после успешной премьеры Нелли окончила вуз (начала она учебу в московском училище имени Щукина, а продолжила в тбилисском театральном) и должна была выбирать, в какой театр поступить – имени Руставели или имени Грибоедова. Нелли выбрала второе и надолго связала с Грибоедовским свою судьбу.

У Нелли Килосанидзе была возможность блестяще проявить себя в разных амплуа, в разных жанрах – ведь режиссеры всегда охотно работали с актрисой, доверяя ей центральные, трагические, драматические, комедийные, роли в своих спектаклях. Среди них: Наташа («104 страницы про любовь» Э. Радзинского), Гелена («Варшавская мелодия» Л. Горина), Саррэ («Во дворе злая собака» К. Буачидзе), Асель («Тополек мой в красной косынке» по Ч. Айтматову), Лариса («Бесприданница» А. Островского), Нина Бегак («В этом милом старом доме» А. Арбузова), Виктоша («Сказки старого Арбата» А. Арбузова), Стелла («Трамвай «Желание» Т. Уильямса), Мария («Закон вечности» по Н. Думбадзе), Сарра («Иванов» А. Чехова), Дорис («В будущем году, в то же время» Б. Слейда), Королева Анна («Стакан воды» Э. Скриба), Анна Вырубова («Распутин» М.

Лашер) и другие.

В спектакле «Вишневый сад» в постановке Г. Кавтарадзе Нелли сыграла Раневскую. Критики писали: «Утонченная, одухотворенная Раневская со своим вишневым садом, генетически не способная жить категориями меркантильного расчета, отторгается. Режиссер и актриса прощают ей все недостатки, ясно выписанные Чеховым, они делают ее символом той давней, исчезающей как редкий вид интеллигенции, которая не умеет поступиться своими принципами и которая в этих условиях будет неизбежно стерта с лица земли».

Одна из значительных ролей Нелли – Нина Чавчавадзе. На основе документов, писем, повести Изюмского «Нина Грибо-

«Обыкновенное чудо». Принцесса

едова» актриса написала пьесу об этой удивительной женщине «Для чего пережила тебя любовь моя?», а Александр Товстоногов поставил на грибоедовской сцене спектакль «Светлой памяти». И позднее Елена Александровна не раз возвращалась к этой теме – не только как актриса, но и как режиссер: с воспитанниками московской Детской школы искусств №97, в которой она с большим успехом работала в последние годы художественным руководителем.

ЮБИЛЕЙ

СЛУЖЕНИЕ

12 ноября родились два режиссера, самоотверженно служившие Грибоедовскому театру на протяжении нескольких десятилетий. 40 лет отдала театру Лейла Джаши (1940-2009) выпустившая немало интересных спектаклей – чаще всего, в качестве второго режиссера, вместе с Александром Товстоноговым, Гизо Жордания. Но она ставила и самостоятельно. В основном – современную драматургию: «Восточная трибуна» А. Галина, «Наедине со всеми» А. Гельмана, «На большой дороге» А. Котетишвили, «Город без любви» Л. Устинова, «Бабочка... бабочка» А. Николаи, «Отдых перед раем» Г. Данаилова, спектакли для детей «Золушка» Е. Шварца, «Принц-горбун» Ф. Кони. В этом году театр отмечает 80 лет со дня ее рождения.

Заслуженный деятель искусств Чечено-Ингушетии Гургам Черкезишвили (1932-2016) учился в мастерской Михаила Туманишвили на режиссерском факультете театрального института им. Ш. Руставели. В 1976 году стал режиссером Грибоедовского театра, поставил свыше 20 спектаклей; «Старомодная комедия» А. Арбузова, «Концерт Высоцкого в НИИ» М. Розовского, «Ключ» Н. Саймона, «Трагический поединок» А. Ставицкого и др. С 1999 года – артист этого театра, создал ряд интересных образов, среди которых – Жорж Бенгальский в спектакле Авто Варсимашвили «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Выпустил спектакли в драматических театрах Ахалцихе, Волгограда, Воронежа, Екатеринбург, Телави и т.д.

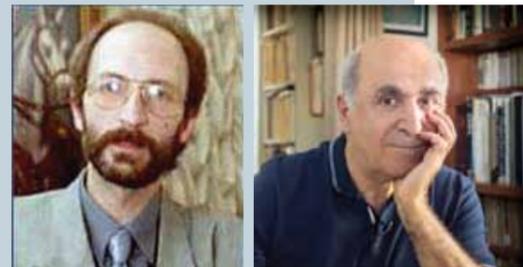
В ДЕНЬ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ

23 ноября – в день святого Георгия – родился Георгий Гегчори, известный художник, сценограф, профессор Академии художеств Грузии, председатель Театрального общества Грузии, заслуженный художник Грузии, лауреат премии им. Котэ Марджанишвили, советник министра культуры и охраны памятников Грузии. В 1992 году он оформил на грибоедовской сцене спектакль Гоги Кавтарадзе «Вишневый сад» А. Чехова. «Безусловно интересна находка режиссеров и художника в цветовом решении темы: цвет вишни в обоях дома, мебели, костюмах. Этот цвет преобладает в первом акте тревожного ожидания, а затем, во втором, появляются герои в белом, ленивый покой в душах людей, а в финале – черные костюмы, платья. Черный цвет – цвет безнадежности и отчаяния. В огромные позолоченные «рамы» вписаны портреты героев». Эти застывшие группы словно дополняют психологические портреты, расшифровывают характеристики и внутреннее состояние действующих лиц», – отметил рецензент Н. Шалуташвили.

В этот же день родился грузинский и израильский композитор Иосиф Барданашвили, написавший музыку к спектаклю Авто Варсимашвили «Гетто» Дж. Собола. «Музыка израильского композитора Иосифа Барданашвили, уроженца Грузии, глубоко трагична. Все, кто ставил пьесу «Гетто» до сих пор, использовал уже существующий музыкальный материал – песни Вильнюсского гетто. Но Барданашвили создал свой, особый мир: это музыка общечеловеческого, фи-

лософского звучания, при всей своей трагичности она освещает спектакль внутренним светом» («Независимая газета»).

Хотим напомнить, что театр давно сотрудничает с И. Барданашвили, написавшим музыку к спектаклям «Притча о хвосте» Г. Нахуцришвили, «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, «Ревизор» Н. Гоголя.

«ЧИСТЕЙШИЙ ГЕРОЙ-ЛЮБОВНИК»

25 ноября 2006 года – день рождения актера, чтеца заслуженного артиста Грузии Ивана Русина (1909-1994). «Афиши запестрели новыми названиями: «Коварство и любовь», «Благочестивая Марта», «Собака на сене». В театре появился новый артист. Его амплуа, которое, кстати, постепенно вымирает подобно мамонтам, – чистейший герой-любовник. Красив, строен, золотистые во-

лосы, голубые, как небо, глаза. Великолепно носит костюм, владеет шпагой и рапирой. Умеет пылко произносить монологи. При его появлении на сцене лица сидящих в зале женщин устремлялись к нему как цветы к солнцу», – вспоминала Н. Бурмистрова в своей книге «Путешествие во времени».

ПИСАТЬ ГРАМОТНО – МОДНО!

Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Приветствую участников Тотального диктанта-2020! – к сожалению, в этом году из-за коронавируса Covid-19 автор этих строк – координатор акции в Тбилиси – не смогла обратиться к уже таким родным и дорогим участникам Диктанта. Эта общественная акция собирала раз в год всех, кому дорог русский язык и кто хотел проверить свои знания.

Вот что рассказала директор фонда «Тотальный диктант» Ольга Ребковец об акции: «Этот год стал во всех смыслах особенным: мы перенесли проведение акции на осень, разработали несколько запасных планов на случай изменения карантинных мер и даже ввели новый формат участия в Тотальном диктанте – #пишемдома. Все это сделано для того, чтобы дать всем возможность в том или ином виде принять участие в акции...».

Автором «Тотального диктанта-2020» стал Андрей Геласимов. В 2001 году его повесть «Фокс Малдер похож на свинью» вошла в шорт-лист премии Ивана Петровича Белкина, а тремя годами позднее Геласимов удостоился «Студенческого Букера»

Ольга Ребковец

за роман «Рахиль». Еще через год, в 2005-м, на Парижском книжном салоне он был признан самым популярным во Франции российским писателем, опередив по уровню читательской любви Людмилу Улицкую и Бориса Акунина, но и в РФ про него не забывали: в 2009 году Геласимов стал лауреатом «НацБеста» (Национальный бестселлер) за роман «Степные боги». На вопрос, будет ли текст диктанта создан на основе уже известного сочинения (как поступил Леонид Юзефович – автор ТД-2017) или за основу будет взято то, что сейчас в работе (как у Водолазкина ТД-2015 или Яхиной ТД-2018), Андрей Геласимов ответил: «Я не брал в основу текста диктанта никаких своих работ – ни тех, которые были написаны, ни тех, что сейчас в работе. Я написал совершенно самостоятельный текст, который существует по своим собственным законам».

17 октября прошел онлайн-марафон, включивший в себя четыре трансляции для разных часовых зон, которые начались в 8:00, 11:00, 14:00 и 23:00 по московскому времени. Диктаторами для тех участников, кто писал диктант онлайн были Виктор Шалай, директор Приморского государственного объединен-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ного музея имени В.К. Арсеньева, литературный критик Галина Юзефович, автор Тотального диктанта-2020 Андрей Геласимов, журналист, телеведущая и актриса Яна Чурикова.

В параллельном режиме проходил TruD.

Тест TruD появился в «Тотальном диктанте» в 2016 году. Это проект для тех, кто изучает русский язык как иностранный или неродной и хочет участвовать в акции, но не уверен, что сможет написать оригинальный текст диктанта.

Название теста образовано из аббревиатуры Totalny Diktant и всем известного элемента ru. TruD является неотъемлемой частью проекта «Тотальный диктант», поэтому порядок проведения акции максимально приближен к алгоритму проведения диктанта.

Тест состоит из 10 интересных и познавательных заданий, разработанных экспертами РКИ

Андрей Геласимов

на основе оригинального текста диктанта. Финальное 11-е задание – это небольшой отрывок из того же текста, который участники теста пишут под диктовку, что дает им почувствовать дух и атмосферу основной акции. Последнее задание выполняется по желанию и оценивается отдельно от остальных заданий теста. В этом году в Тбилиси собралось 10 человек, написавших TruD.

Надеюсь, в будущем году мы снова встретимся, пожелаем друг другу удачи и хорошо напишем диктант! А пока что пройдем занятия в онлайн-школе, которые направлены на подготовку к Тотальному диктанту – <https://totaldict.ru/education/online/>.

До новых встреч!

Фарфоровые шахматы «Красные и белые»

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

В первый класс Строгановского центрального училища технического рисования (ныне – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова) в 1900 году пришла восьмилетняя Наташа Данько. В отличие от остальных одноклассников, она не была москвичкой. В старейшее российское учебное заведение по подготовке специалистов промышленного, монументально-декоративного, прикладного искусства и интерьера девочка приехала из южной провинции громадной империи – Грузии. И несмотря на то, что она проучилась в знаменитой «Строгановке» всего пару лет, ей суждено было стать одной из самых значительных скульпторов советского фарфора.

Родилась она в небольшом деревянном доме тифлисского района Вере, в Колючей балке, названной потом Федосеевской улицей (ныне – улица Сарад-

жишвили). Там же было и первое в грузинской столице жилище Алексея Пешкова. Будущему Максиму Горькому сдал комнату знакомый ему по распространению нелегальной литературы в Нижнем Новгороде «политически неблагонадежный» служащий Закавказской железной дороги Яков Данько. Не проходит и года после выезда основателя соцреализма из этого дома, как у Якова и Ольги Данько в 1892-м рождается дочь Наташа.

Находящаяся под надзором полиции супружеская пара на одном месте долго не задерживается, а увлечение дочери лепкой и рисованием поощряет. Ведь Яков сам хорошо рисует и пишет стихи, а Ольга – знаток живописи, поэзии, музыки. Так, после двух лет учебы в Москве девочка оказывается в Вильно и начинает учиться в городской художественной школе, а с 1906-го – в студии местного художника Яльмара Янсона. Еще

через пару лет она переезжает в Санкт-Петербург, занимается сначала в мастерской первой в России женщины-профессионального скульптора Марии Диллон, затем в студии модерниста Леонида Шервуда. И навсегда связывает свою судьбу с городом на Неве.

А в 1909 году в жизни семнадцатилетней Натальи происходит событие, определившее всю ее дальнейшую судьбу. Она приходит в декоративно-монументальную скульптурную мастерскую Василия Кузнецова, заведующего скульптурным отделом Петербургского Императорского фарфорового завода, основанного еще Елизаветой Петровной как «Невская порцелиновая мануфактура». Девушке везет – ее учит большой мастер, по проектам которого созданы скульптуры ко многим архитектурным сооружениям в Питере и Киеве.

Под его руководством она

Справа от церкви – улица, на которой родилась Н. Данько

в том же году выполняет свою первую работу – декоративные фронтоны из цемента для Городского училищного дома имени Петра Великого по эскизам основателя и главного идеолога объединения «Мир искусства» Александра Бенуа. А кроме этого выдающегося художника, в жизнь Данько входят и знаковые фигуры архитектуры того времени. В мастерской Кузнецова она с еще двумя молодыми скульпторами с 1909 по 1914 годы делает почти полтора десятка монументально-декоративных скульптур для зданий Петербурга, Москвы и Киева по проектам выдающихся представителей неоклассицизма в архитектуре Ивана Фомина, Александра Таманяна и Владимира Щуко.

В 1910-м Наталья участвует в создании барельефов и фигур для оформления входа в Русский павильон на Всемирной выставке в Риме. А в 1911 году для установки барельефов и скульптур в павильоне России на Международной выставке в Турине ее на несколько месяцев посылают в Италию, так что она получает отличную «подпитку» от памятников и музеев Рима, Флоренции, Венеции, Милана. И спустя три года Кузнецов, назначенный заведовать

художественными мастерскими Императорского фарфорового завода, приглашает Наталью работать его помощницей.

Но за окном – Первая мировая война, строительство в стране прекращается, соответственно, исчезают и заказы на скульптуры как украшения зданий. Завод переходит на миниатюры, создает вазы, шкапулки с декором, возрождая в производстве старинную техни-

ку. Первые свои работы здесь Данько выполняет в керамике по эскизам Кузнецова (ваза с дельфинами) и выдающегося художника Евгения Лансере (скульптура «Хоровод»). А первая полностью самостоятельная работа в фарфоре – серия фигур «Пляшущие бабы», созданная в 1916-1917 годах. В 1918-м завод переходит в ведение Народного комиссариата просвещения, его изящная продукция становится

Наталья Данько

Н. Данько. Автопортрет

на службу пропаганды новой власти.

В следующем году Кузнецов уезжает в Саратовскую губернию – не выдерживает тяжелые условия жизни в Петрограде. И продолжает работать, как сегодня говорят на каждом шагу, дистанционно – присылает модели, по которым создаются миниатюры, даже отмеченные золотой медалью на Всемирной выставке в Париже 1925 года. А его должность руководителя скульптурной мастерской предприятия, которое называется уже Государственным фарфоровым заводом (ГФЗ), с 1919-го занимает Наталья Данько. А через двенадцать лет она становится еще и ответственной за выпуск скульптуры на экспорт. Это большая ответственность: неведомый Западу фарфор, нареченный «агитационным», вызывает огромный интерес за границей.

На Первой выставке советского фарфора летом того же года в Петрограде Данько представляет скульптурную миниатюру «Партизан в походе», с которой начинается галерея ее

«Конная разведка»

героев. И вот парадокс: в стране – Гражданская война, разруха, голод, а в искусстве фарфора – впечатляющие достижения. Хрупкий материал красочно воплощает эпоху, миниатюрные скульптуры и расписанная посуда искусно отражают происходящее. Успех им приносит сочетание нового содержания произведений с национальными традициями. Все образы взяты из окружающей действительности и поражают отточенностью мастерства, выразительностью фигур, точностью деталей, подобранных не только для работниц и партизан, физкультурников и шпаны, колхозниц и матросов, но и для представителей различных национальностей.

Искусствоведы называют все это «советским агитационным фарфором». Он ценен тем, что относится к памятной эпохе, выполнен в уникальном художественном стиле, является одним из проявлений русского авангарда, и его не так уж много. Наталье удастся возродить утраченные к тому времени традиции русской фарфоровой пластики,

созданные ею фигурки – удачный синтез символов, информации и аллегорий.

Каждая работа поражает сочностью красок, хотя Ната-

«Грузинка с корзиной фруктов»

Чернильница «Шота Руставели»

Часы «Грузинка с корзиной винограда»

лье Яковлевне нравится чисто белый фарфор. Но она прислушивается к мнению о том, что «роспись наделяет фарфорового человечка взглядом внимательным или дерзким, грустным или веселым». Это – слова ее сестры Елены, которая младше художницы на 6 лет. Она родилась в 1898 году в селе Парафиевка Черниговской губернии, когда судьба забрасывает ее непоседливых неблагонадежных родителей на Украину. Так что растет она в украинской столице, где и поступает в 1908 году в частную женскую гимназию с пансионом Екатерины Крюгер.

«Учение было моей страстью, – рассказывала она. – Окончив с золотой медалью школу живописи А.А. Мурашко, в 1915 году переехала в Москву и училась

«Шпана»

живописи сначала у И.И. Машкова, потом у Ф.И. Рерберга. В 1916 году мне пришлось поступить на канцелярскую службу в Земгор. Днем я работала, вечером училась в студии и слушала лекции по искусству и литературе, ночью читала и изучала языки». Уточним, что Машков и Рерберг – известные московские художники, а странное название Земгор – сокращение от «Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов». Это – посредническая структура по распределению государственных оборонных заказов на базе земств и городских дум

После пары лет в канцелярии Инженерно-строительного управления Земгора, Елена переходит в Народный комиссариат просвещения, и с тех пор ее любовь к искусству поровну разделяется между живописью и литературой. Она знакомится с замечательными писателями Ольгой Форш и Константином Фединым, которые помогают ей в литературной работе, посещает лекции выдающегося поэта-символиста Андрея Белого, а навсегда переселившись в Петроград в 1918-м вместе с матерью Ольгой, через четыре года выпускает сборник стихов. Хотя работает в то время художницей на заводе у сестры.

Живут они в небольшой квартире на Шлиссельбургском тракте (ныне – проспект Обуховской Обороны), которая становится своеобразным салоном, соби-

рая художников, литераторов, музыкантов. Там не только читают свои новые произведения, но и обсуждают происходящее в стране. С Ольгой Форш – беседы на исторические темы, с Анной Ахматовой – обмен стихами. А потом наступают 20-е годы, самые плодотворные для работы сестер Данько в фарфоре. Практически все фигурки, созданные Натальей, раскрашивает Елена. Завод даже ходатайствует о зачислении ее в Академию художеств, в класс профессора по живописному отделению, знаменитого Кузьмы Петрова-Водкина.

Однако больше двух лет Елена там не выдерживает – она не согласна с методикой преподавания живописи. Но после ухода из Академии в 1924-м приходится покинуть и фарфоровый завод – ее попросту увольняют. А ведь она два года до этого изучает историю керамики, в 1923-м году печатает статью о советском художественном фарфоре в журнале «Художественный труд», через год после увольнения пишет книги по истории фарфора «Ваза Богдыхана» и «Фарфоровая чашечка». Это –

Елена Данько

ки «Красная шапочка», «Сказка о Емеле-дураке», «Гулливер в стране лилипутов», «Пряничный домик», «Дон-Кихот» и другие, с успехом идущие в питерских кукольных театрах. Она становится членом литературной коллегии Театра юных зрителей.

Вообще, после расставания с фарфоровым заводом Елена Данько с головой уходит в мир литературы. Вступает в литературное общество «Ленинградская Ассоциация Неоклассиков», заседающее на квартире видного поэта-символиста Федора Сологуба, а потом пишет воспоминания о нем. Продолжает встречи с Ахматовой и делает несколько ее портретных зарисовок. В Ленинградском отделении Всесоюзного союза советских писателей рабо-

«Работница, вышивающая знамя»

«Папанинцы на льдине»

только начало литературной деятельности, основные темы которой – история науки, искусства, театра.

Самуил Маршак, с которым знакомится Елена, советует ей написать научно-художественную повесть об истории фарфора для детей. «Для того, чтобы написать эту книгу, нужно было прочесть уйму книг на четырех языках – о монахах, о рыцарях, об алхимиках, о китайцах и русских царицах; нужно было автору самому многое видеть и поработать на фарфоровом заводе и побродить по Шлиссельбургскому тракту, отыскивая следы старины и думая о прошлых временах», – делилась она. В итоге в 1929 году выходит в свет повесть «Китайский секрет». Одновременно пишется книга об истории фарфорового завода для монументальной серии «История фабрик и заводов», задуманной Максимом Горьким.

Другая большая тема в литературном творчестве Елены – кукольный театр. С февраля 1919 года она работает еще и помощником техника, а затем кукловодом в кукольном театре «Студия», руководительница которого Любовь Шапорина становится близким другом сестер Данько. Именно по ее предложению Елена пишет инсцениров-

тает секретарем сначала секции детской литературы, а потом правления всей этой организации. Выпускает книгу для самых маленьких «Настоящий пионер», иллюстрированную знаменитым Борисом Кустодиевым, для ребят постарше – повесть в стихах «Иоганн Гутенберг».

Потом для взрослых она пишет книги о фарфоре и о Волтере, детям – повесть «Деревянные актеры» о европейских кукольных персонажах Пульчинелле, Кашперле и Полишинеле. А затем приходит черед самого

«Милиционерка»

«Гадалка»

«Трусиха»

популярного кукольного героя. Написав в 1938 году пьесу по своей сказке «Золотой ключик», Алексей Толстой заканчивает ее приездом Буратино и его друзей в... СССР. Дальше сюжет не развивается, и Данько, убедившись, что «красный граф» не будет писать продолжение, делает это сама. И сначала появляется кукольная комедия в четырех действиях с прологом «Буратино у нас в гостях», а следом за ней – повесть «Побежденный Карabas».

Но всем перечисленным Еленой Яковлевна, которую любимый детьми писатель Виталий Бианки называет «умнейшей женщиной Ленинграда», не ограничивается. Она работает и над архивными документами о Михаиле Ломоносове, пишет для академического издания статью «Изобразительное искусство в поэзии Державина», рисует героев руставелевского «Витязя в тигровой шкуре» и лермонтовского «Демона». А главное в том, что рисунки эти – для фарфорового завода, куда она все-таки возвращается все в тех же 1930-х. И как художница уже становится классиком миниатюрной фарфоровой скульптуры.

За 25 лет работы на заводе Наталья Данько создает более трехсот социально направленных фигур и композиций фарфоровой малой пластики – жанровых и портретных, де-

«Орсино и Виола» из спектакля «Двенадцатая ночь»

коративных и сатирических. Да еще варианты некоторых из них повторяются в архитектурных скульптурах, в работах из терракоты, бронзы, фаянса. Это – подлинная летопись эпохи. Причем в ней не только милиционерка, работница, вышивающая знамя, конники, физкультурники, раб-факовцы, моряки, папанинцы на

льдине... Прямо с улиц на стены и витрины шагнули из того времени гадалка, шпана, дама-трусиха, хулиган и торговка яблоками, прачка, голодающие...

А рядом с ними – изображение тех, кто вошел в историю мировой культуры: балерины Анна Павлова и Софья Федорова, актриса Зинаида Райх и режиссер Всеволод Мейерхольд, танцовщик Вацлав Нижинский, поэт Анна Ахматова. В этот ряд надо поставить и ее портрет. Когда Ахматова позирует Наталье, у нее есть время увидеть, как та работает над фигурками. И она спрашивает, не колдует ли скульптор над ними – так и кажется, что они вот-вот оживут. А в 1932 году Анна Андреевна продает эту статуэтку – нужны деньги, чтобы помочь Осипу Манделштаму... Не забывает Наталья Яковлевна и свою родину. Ей посвящены две скульптуры «Грузинка с корзиной фруктов» и «Грузинка с кувшином», часы «Грузинка с виноградом», бюст Шота Руставели, часы и чернильница с изображением великого поэта. Есть статуэтки и жителей Средней Азии из серии «Пробуждающийся Восток»,

М. Тихова-Финкельштейн. Скульптурная мастерская ЛФЗ

«Анна Ахматова»

«Софья Федорова в балете «Раймонда»

«Зинаида Райх»

Бюст Шота Руставели

Фрагменты оформления станции метро «Площадь Свердлова»

Ленинградского фарфорового завода Григорий Ефремов говорил про Наталью, что «отдых без творческой работы она не мыслила, дома она отдыхала за работой...».

И вот что вспоминает о результате такого «отдыха» актриса Елена Юнгер: «В свое двенадцатое посещение спектакля Наталия и Елена попросили всех актеров собраться за кулисами в нашем актерском фойе. Они принесли с собой деревянный ящик, который всех нас заинтриговал, и стали вынимать из него свои скульптурки... Это было удивительно... Восторгу актеров театра не было предела...» Каждому участнику спектакля преподносится фигурка, изображающая его в роли, а режиссеру Акимову – полный комплект со всеми исполнителями. И актеры пишут каллиграфическим почерком послание сестрам от имени жителей Иллирии – страны, в которой происходит действие шекспировской пьесы. В нем есть такие строки:

«За все время существования древней Иллирии ее обитатели не были так глубоко потрясены ни одним кровавым событием или ликованием беспечной радости, как проявлением безграничного благородства двух гениальных ваятелей, увековечивших своим творчеством несовершенные образы скромных «Иллирийцев». «Иллирий-

ская» фантазия бессильна достойным образом ответить на Ваш бесценный подарок, но искренняя горячая благодарность, наполняющая наши сердца, повергает нас ниц перед Вашим вдохновенным искусством и беспримерным великодушием... Ваше внимание отняло рассудок у лишенных ласки незадачливых «Иллирийцев».

Успех этих и остальных миниатюрных скульптур несомненен, но Наталья Данько ищет новые формы применения фарфора и одна из первых в стране использует его в архитектуре. Для станции метро «Площадь Свердлова» (ныне – «Театральная») она в 1936-1937 годах делает 14 барельефов на тему «Искусство народов СССР» с танцорами и музыкантами семи союзных республик. Два из них представля-

ют Грузию. О том, как непросто делать почти метровые фарфоровые фигуры, она рассказывала: «Ни у нас, ни на Западе эта технология еще не была разработана. Чтобы фигуры не трескались и не корбились, применяли новый, комбинированный способ формовки. В гипсовую форму, снятую с барельефа, вливали жидкую фарфоровую массу и оставляли, пока она не застынет. Потом на оставшуюся в форме массу вручную накладывали необходимое количество фарфорового теста».

В те же годы руководимая ею бригада скульпторов и художников выполняет фарфоровые барельефы для речного Химкинского вокзала в Москве, нынешнего Северного речного вокзала российской столицы. Они из майолики – разновидности керамики. На 24-х дисках диаметром в полтора метра Данько изображает сцены из современной ей действительности. Успех этой и остальных работ Натальи приносят ей золотые медали и дипломы крупнейших советских и международных выставок.

А потом – война. Большая часть оборудования ГФЗ эвакуируется в Свердловскую область, в город Ирбит. У сестер Данько работы нет, они мужественно пытаются вместе с матерью пережить блокадную зиму. В августе 1941 года Ленинградский

отдел художественного фонда СССР ходатайствует об эвакуации Елены в Ташкент, но она не хочет уезжать в одиночку. Замечательный драматург Евгений Шварц записывает в дневнике: «Однажды днем зашел я по какому-то делу в длинный сводчатый подвал бомбоубежища. Пыльные лампочки, похожие на угольные, едва разгоняли темноту. И в полумраке беседовали тихо Ахматова и Данько, обе высокие, каждая по-своему внечеловеческие. Анна Андреевна

Пережив самую тяжелую, голодную и смертельную зиму, три изможденные женщины в феврале 1942-го все-таки вырываются в Ирбит. Но поздно – блокада делает свое страшное дело. Наталья с матерью умирают от истощения в поезде между Москвой и Ярославлем. Их хоронят на каком-то полустанке, и место захоронения неизвестно. Елена добирается до Ирбита, но организм так ослаблен, что в больнице умирает и она. Такие яркие судьбы и такой страшный

«Анна Павлова»

украинцев...

Особый разговор – о серии «Персонажи комедии У. Шекспира». Сестры Данько в восторге от спектакля «Двенадцатая ночь», поставленного в Театре Комедии режиссером Николаем Акимовым. Они одиннадцать раз приходят на этот спектакль и не только смотрят его, но и работают над воплощением актеров в миниатюрных фигурках. Наталья лепит из пластилина эскизы героев в различных мизансценах, а Елена делает в блокноте зарисовки костюмов. Работают они и дома, не зря главный инженер

Наталья Данько с бюстом В. Мейерхольда

Наталья и Елена Данько

– королева, Елена Яковлевна – алхимик. И возле них сидела черная кошка. Пустое бомбоубежище, день, и в креслах высокие черные женщины, а рядом черная кошка. Это единственное за время блокады небудничное ощущение».

конец... А на престижнейших международных аукционах Christie's и Sotheby's коллекционеры и музеи всего мира и сегодня готовы отдать немалые деньги за работы Данько. И цены постоянно растут.

ОЛЕГ ПАЛЬМОВ: «ГЛАВНОЕ – ЧТОБЫ ТЫ БЫЛ СВОБОДЕН»

■ Анна НАВОДНИЧАЯ

«Вы все пишете и пишете, а ваш друг все не едет и не едет» – самая, пожалуй, известная цитата из киноролей санкт-петербургского артиста Олега Пальмова в образе почтмейстера в культовом фильме Игоря Масленникова «Собака Баскервилей».

Но Олег Пальмов известен гораздо большим, чем участием в классическом сериале о Шерлоке Холмсе.

Итак, мой уважаемый собеседник родился 20 ноября 1945 года в Свердловске (ныне Екатеринбург), в семье, эвакуированной из Ленинграда. Отец, доброволец-ополченец, лейтенант Константин Ильич Пальмов, после тяжелого ранения на Пулковских высотах, попал в госпиталь в Перми на Урале, а потом – в Свердловск, где долгое время потом работал заместителем директора Театра юного зрителя. Затем ушел в резинотехническую промышленность, был заместителем директора

завода РТИ в Свердловске, после работал на заводе «Красный треугольник» в Ленинграде.

Жизнь в послевоенном Свердловске была очень нелегкой, ощущалось влияние войны, обескровившей страну. «Две шоколадных конфеты, принесенные отцом с работы, – это было что-то... Однако, благодаря своим родителям, никаких лишений я не испытывал, – рассказывает артист. – В Свердловске я помню себя лет с четырех-пяти. Мы жили в бывшем купеческом двухэтажном доме. Двор был закрыт воротами, калиткой, это я живо помню. Во дворе мы собирались ватагой, зачастую ребята сидели на лавочках, а я все время что-то рассказывал, изображал. Теперь, когда я занялся жанром моноспектакля, я понял, что «впал в детство» – это такая своеобразная рифма с моим детством».

– Как и когда вы попали в Ленинград, Олег Константинович?

– В 1964 году я окончил школу в Свердловске и приехал в Ленинград. Так получилось, что я приехал значительно позже, чем завершились вступительные экзамены в ЛГИТМиК.

– Но как же вы попали на курс?

– Я приехал с письмом от моего отца к Народному артисту РСФСР Леониду Федоровичу Макарьеву, будущему мастеру нашего курса. Дело в том, что когда-то мой отец в Ленинграде, в так называемом Дворце культуры Пищевиков (кстати, он и сейчас существует, находится на улице Правды) занимался в самодеятельности. И Макарьев «приглядывал» за этой молодежью. Хотя это и было весьма наивно, отец написал письмо Леониду Федоровичу. И с этим письмом я пришел к нему домой. Полчаса не мог заставить себя нажать кнопку дверного звонка, но все-таки решился. И он принял меня как истинный интеллигент – отнесся внимательно. В результате визита Леонид Федорович назначил мне, практически, экзамен. Я показывался, меня смотрел сам Макарьев и его педагоги. Они достаточно тщательно «просмо-

В спектакле «Шутка Мецената»

трели» меня и предложили без всяких прав – без общежития, без стипендии, – стать «кандидатом в студенты». А после первой сессии, через семестр, перевели в студенты.

– Удивительная практика...

– А у меня часто бывали весьма нестандартные зигзаги в жизни.

– Через четыре года вы окончили ЛГИТМиК...

– Да, в 1968 году. И уехал работать в Красноярский Театр юного зрителя. В те времена еще существовала система распределения. Мои родители – астраханцы, и меня распределили именно в Астрахань. Ситуация была подневольная – распределение, и вперед! Отработай то, что на тебя потратило государство за то время, что ты учился. Надо было на три года ехать туда, куда тебя направляли. А я отказался, что тогда было весьма непросто сделать, вызвал некоторый шок, и даже скандал. Но я ведь не просто отказался, я уехал в более сложную ситуацию, в том числе и в житейском смысле – в Сибирь, Красноярск. Красноярский ТЮЗ в те времена уже славился в стране, там была своеобразная ленинградская «пробная лаборатория». Очень многие ленинградские выпускники уезжали

в Красноярск. В частности, до нас там работали известные режиссеры Исаак Романович Штокбант, Геннадий Михайлович Опорков, под началом которого я потом служил в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола, и Лариса Ивановна Малеванная, ныне Народная артистка России. Эти люди и создали тот театр. А мы приехали, когда они уже уехали из Красноярска, и поднимали театр заново.

– Как же так получилось? Режиссеры уехали, а труппа приехала?

– Нет, приехал новый главный режиссер – Юрий Мочалов. Некоторые оставались и от той труппы, которая была при Исааке Штокбанте. А нас, с макарьевского курса, в труппе было трое – Владимир Шагин, Маргарита Журавлева и я. Владимир и Маргарита, к сожалению, уже покинули нас.

– Сколько лет вы работали в Красноярске?

– К сожалению, недолго. Я бы работал больше – там была прекрасная практика. Да и спектакли отличные. Мы первыми в Союзе сыграли спектакль по пьесе Александра Вампилова – «Прощание в июне». У меня была главная роль – Николай Колесов. Обо мне даже писали тогда

в журнале «Театр». Потом был спектакль «Полоумный Журден» по Михаилу Булгакову, который поставил Юрий Мочалов. Там у меня была небольшая, но очень хорошая роль слуги Брендавуана. Я с удовольствием ее осилил и играл. «Питер Пэн» Джеймса Барри, там я играл злодея, предводителя пиратов Капитана Крюка. Потом была встреча с очень хорошим прибалтийским режиссером Израилем Шаевичем Пеккером. Он поставил спектакль по дивной повести Павла Нилина «Жестокость». И в нем я играл главную роль – Веньку Малышева. В известной советской экранизации повести эту роль совершенно замечательно исполнял Георгий Юматов. Я думаю, у нас был очень недурной спектакль, я бы даже сказал – очень хороший. Достаточно острый, резкий, как и сама повесть. Но потом, так сложились семейные обстоятельства, я должен был уехать в Свердловск и находиться там какое-то время. А затем вернулся в Ленинград.

Одна из главных ролей Олега Пальмова в советском кино – образ поручика Василия Дибича в четырехсерийной экранизации романа Константина Федина «Необыкновенное лето» (режиссер Григорий Никулин, Ленфильм, 1979 г.). После поражения России в Первой мировой войне измученный пленом и голодом поручик царской армии возвращается из немецкой дисциплинарной крепости для «особо непокорных» Кенигштейн на родину, в приволжский город Хвалынский. На каждом шагу он сталкивается с непонятными реалиями новой России. И в этом пути его накрывает нервный срыв. Придя в себя в госпитале в Саратове, Дибич принимает решение встать на сторону большевиков. Сюжет, вполне понятный для литературы и кино СССР.

– Фильм «Необыкновенное лето» считался очень важным идеологически. Кандидатуры исполнителей главных ролей утверждали не на Ленфильме, а в Госкино, в Москве...

– Тогда я работал в Театре Ленинского комсомола в Ле-

В спектакле «Шутка Мецената»

нинграде, и на меня обратила внимание ассистентка режиссера Любовь Власенко. В те времена ассистенты режиссера, вторые режиссеры – это были очень важные, очень мощные профессии, то, что нынче называется «кастинговые люди». В те времена они металась по всей стране, выискивали актеров и действительно открыли очень много прекрасных актеров. И, если бы не они, эти актеры не получили бы такую высокую оценку, не стали бы известными... Я уже не помню, каким образом, но Любовь Власенко нашла меня и пригласила на фотопробы. И они были очень хорошими. После этого была кинопроба. Все эти пробы отправили в Москву. И меня утвердили. Это было совершенное счастье! Фильм называется «Необыкновенное лето», мы и снимались все лето в Пскове и Псковской области. Потом, уже

осенью, – павильонные съемки в Ленинграде.

– Сейчас, в новых реалиях, осталось для вас что-нибудь важным в том образе, в той стране?

– Я не знаю, насколько образ моего поручика был важен в той стране, в Советском Союзе. Но для меня, безусловно, – очень важен. В нем была очевидна человеческая трагедия. Этот человек ушел на фронт Первой мировой войны из одной страны, а вернулся в другую, и совершенно не мог понять – что происходит? В этой роли было что играть. Конечно, время истерло воспоминания, но я вспоминаю период съемок с большой нежностью и удовольствием.

– Вернемся в день сегодняшний. Вы приняли участие в проекте продвижения «Ан-

тологии грузинской поэзии» в русских переводах, вышедшей в российском издательстве «Либрика». Почему?

– Ну, от работы вообще не отказываются. Тем более, в такой области. Тем более что я питаю истинную приязнь к Грузии. Мне очень нравится грузинское искусство – и кино, и театр, и живопись. Это очень высокая культура, и, конечно, мне было интересно.

– А почему вы выбрали стихотворение Симона Чиковани «Задуманное поведаям облакам» в переводе Беллы Ахмадулиной?

– На душу легло. Вот такой короткий ответ.

– Кто еще из грузинских поэтов и писателей вам интересен?

– Мне трудно ответить, но по сю пору у меня хранится книга, которую в госпитале после ранения подарили моему отцу, помимо ореховой трости – отец был ранен в ногу. «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Я читал и перечитывал ее с детства, и сейчас она хранится в моей библиотеке. И это, конечно, незабываемо. А если вам интересна моя точка зрения о грузинском кино и театре...

– Конечно...

– Сразу же приходят на память грузинские короткометражки! Их любили все, и все цитировали. Ими засматривалась вся страна. Конечно, фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» произвел на меня очень мощное впечатление. И, безусловно, грузинский театр. Я видел спектакли Роберта Стуруа на гастролях театра Руставели в Ленинграде, на сцене БДТ – «Ричард III» и «Кавказский меловой круг». «Ричард III» – это потрясение. Рамаз Чхиквадзе, который играл роль Ричарда, – несомненно, гениален. И по смыслу, и по исполнению этот спектакль просто грандиозен! Чего только стоит сцена, когда герои дерутся на мечах, натянув на себя карту мира. Дерутся два честлюбца, а весь мир ходит ходуном. А уж сцена, когда Ричмонд, поразивший Ричарда, поднимается по деревянной

лестнице на эту своеобразную вышку, вышку власти, и на ходу, за несколько шагов превращается из милого молодого человека в монстра и обращает к залу уже не лицо, а страшную рожу... И тогда невольно думаешь – может быть, лучше бы остался тот, Ричард?! Потом, великий Серго Закариадзе, фильм «Отец солдата». А Георгий Данелия? А Вахтанг Кикабидзе? А Резо Габриадзе? Недавно я посмотрел его гениальный мультфильм «Знаешь, мама, где я был?» Золотая жила!

– Вы были заняты в знаменитом спектакле театра Советской Армии «Человек для любой поры» по пьесе Роберта Болта, репетировали с легендарным Владимиром Зельдиным, а играли с Игорем Ледогоровым...

– Да, так получилось. Я работал там всего один сезон и был занят только в одном спектакле. Я отношусь к этому театру с великой благодарностью, нежностью и почтением. Он снится мне до сих пор. У меня там все сразу сложилось, ко мне очень хорошо отнеслись, и я много хорошего получил в этом театре. Что же касается Владимира Михайловича Зельдина, там была такая история: в назначении было два актера – Владимир Зельдин и Игорь Ледогоров, тоже прекрасный артист. В те поры он был очень популярен, много снимался. Я уже не помню, в силу каких причин Владимир Михайлович не сыграл премьеру. Он вышел из спектакля, и все дальнейшее мое взаимодействие было только с Игорем Ледогоровым. Этот спектакль поставил прекрасный режиссер Ион Унгуриану из Молдавии. Он был тогда в фаворе, известен на всю страну. Я получил прекрасный опыт, и роль была дивная, и, как мне кажется, спектакль удался. Владимир Зельдин даже подписал мне афишу: «Быть может, театр Советской Армии станет для Вас родным домом». К сожалению, этот театр для меня буквально таковым не стал, но остался в моем сердце. Недаром он мне снится.

– А что же роль Ричарда Рича из этого спектакля? Ведь он редчайший негодяй, который внутренне оправдывает один за другим все более и более гадкие свои поступки и от мелкого чиновничества доходит до откровенного предательства...

– Ричард Рич – человек, который заложил душу дьяволу. Он изначально был готов на эту сделку. Подспудно. Это карьерист, человек, обожающий деньги, очень любящий материальную жизнь. Он быстро заложил душу дьяволу. Для этого понадобилось совсем немного. Об этом же ему сказал и Томас Мор: «Идите, станьте учителем, вы в опасности». А Томас Мор

тяжелым опытом. Очень непростой театр со сложившейся труппой блистательных актеров. Было трудно пробиваться. Иногда нас, по мере надобности, вводили в спектакли, которые ставились на «звезд». Евгений Лебедев, Кирилл Лавров, Олег Борисов, Олег Басилашвили, Николай Трофимов – это же не имена, это изумруды! Например, в спектакле «Пиквикский клуб» я играл с Николаем Трофимовым – великим артистом. Меня ввели в спектакль на роль адвоката Додсона после ухода из жизни замечательного Вадима Медведева. Моим партнером был прекрасный артист и не менее прекрасный человек Андрей Толубеев. Вечная па-

В фильме «Неоконченное лето»

был пронцательным человеком. Он точно «сфотографировал» Ричарда Рича, поставил ему верный диагноз.

– Кого вообще интереснее играть – положительных или отрицательных героев?

– Это вопрос извечный и вечный сложный. Я не знаю. Все зависит от того, каков материал, драматургия. В отрицательном герое почти всегда есть, что делать, что искать. А положительная роль бывает настолько «голубой», что не за что зацепиться.

– Вы 15 лет проработали в БДТ...

– Большой драматический театр имени Горького был для меня очень полезным, зачастую

мать...

– Правда, что на этот ввод вас и предложил Андрей Толубеев?

– Эта история осталась для меня загадочной. Я так и не знаю, кто меня тогда пролоббировал. Но, слава Богу, что это было, потому что опыт просто колоссальный. Я играл тогда бок о бок с нашими великими актерами. С Георгием Александровичем Товстоноговым я тоже поработал вживую, и это тоже огромный опыт. Под его обаянием, под его шарм попадаешь мгновенно, и даже не думаешь сопротивляться, а наоборот.

– Сейчас вы – автор, режиссер и исполнитель многих

В фильме «Собака Баскервилей»

литературных моноспектаклей, в том числе о Пушкине и Лермонтове. Что вам лично наиболее интересно в них?

— Два гения. Безусловно, оба, в большей или меньшей мере, — свободолюбивые люди, с огромным чувством собственного достоинства, понятиями о чести и совести. Эти понятия сейчас в дефиците, к сожалению. Для меня, например то, что Михаил Лермонтов написал не очень ловкое, вполне юношеское стихотворение «На смерть поэта» достойно бесконечного уважения. И ведь потом он приписал еще «А вы, надменные потомки...» — это же беспрецедентно храбрый поступок. За который, собственно, он и поплатился. И этот поступок был поворотным в его судьбе. Из блестящего гвардейца, служившего в Петербурге, казалось бы, о чем мечтать? — он стал поручиком Тенгинского полка, потом вообще — командиром «спецназа», вместо раненого Руфина Дорохова. Как мы помним, это тот самый Долохов из «Войны и мира». Его солдат называли «пластуны» — это практически спецназ, солдаты, собранные из разных родов войск, из казаков — кого только там не было, в этом отряде. Дорохов, когда был ранен, порекомендовал на свою должность именно Лермонтова. И Лермонтов и ел из одного котла со своими солдатами, и спал на земле. Он был очень храбрый воин. Еще в сту-

денческие годы меня потрясло его произведение «Валерик». Оно вошло потом в мой спектакль о Лермонтове «Я знал, удар судьбы меня не обойдет». Валерик — это река, при которой случилась страшная битва между русскими и горцами. Тогда погибло колоссальное количество людей с обеих сторон. Там есть такие строки: «Хотел воды я зачерпнуть. / И зной и битва утомили / Меня, но мутная волна / Была тепла, была красна». Сдуреть же можно! Вот так говорил Михаил Лермонтов. И я к нему отношусь с величайшим почтением. Совсем не так давно мне стало отчетливо явственно: в 1837 году погиб Пушкин, в 1841-м — Лермонтов. С разницей — почти ничего. И это, конечно, колоссальная национальная трагедия, катастрофа.

— А Александр Сергеевич? У вас о нем два спектакля...

— О Пушкине написано все. В одном из моих спектаклей «Я вас любил, я вас люблю...» он представлен более светлым, недаром в спектакле присутствует целиком его дивная повесть «Метель». Вот там я очень упираю на его чувство собственного достоинства, чувство чести, которые он всю жизнь оборонял всячески, от чего подчас и случались его многократные дуэли, в которых он никого не ранил и не покалечил, а обычно стрелял, как тогда говорили «на воздух». В то время как по нему стреляли,

и не раз. Второй спектакль «Выстрел» — преддуэльная история с Дантесом. Прочитав уйму литературы и все проанализировав, я попытался выразить свою точку зрения о том, что произошло. Я абсолютно не верю в измену Наталии Николаевны, совершенно не верю. В каком положении тогда оказался Пушкин! Недаром он тогда так преобразился внешне, что сестра, увидев его, просто ужаснулась. Он был обречен на эту дуэль, иначе ему было не выпутаться из этой истории, иначе ставились под сомнение честь жены, честь его самого, и честь его как первого поэта России. И это не «ой, красота, я — первый поэт России, пресмыкайтесь передо мной, ха-ха-ха!». Все дело в том, что это накладывало на него колоссальную ответственность.

— Сейчас очень популярна версия, что барон Геккерен затягивал историю с дуэлью, пока для Дантеса изготавливали кирасу.

— Да ерунда это все. «Фейки», как теперь говорят. Единственное, что возможно — пуля попала в пуговицу на мундире. А это было не фабричное производство, каждая такая кавалергардская пуговица изготавливалась вручную. На офицерских мундирах это тоже была своеобразная защита. А Дантес на дуэли был в форме. Но и это скорее вымысел. Все же Пушкин раненый попал в руку противника, и кавалергард упал. Пушкин был блестящий стрелок и не сомневался, что уложит Дантеса. Еще и потому что у того это была первая дуэль, а у Пушкина их было тридцать, плюс-минус. Он отлично знал, каково это — стоять под пулей.

— А как вы относитесь к бродящим сейчас по интернету рассказам о том, что старшая дочь Дантеса Леони Шарлотта, которая глубоко почитала русскую культуру, узнав, что ее отец был убийцей Пушкина, попыталась разорвать с ним отношения, а тот поместил ее в психиатрическую лечебницу?

— Никак не отношусь. Я не очень в это погружаюсь. Что-то

читал, но не придал значения. Вы знаете, погрузившись в это дело, я был так зол на Дантеса, я его так не воспринимал... В те поры он был очень поверхностным молодым человеком. Прав был Лермонтов, когда написал: «Не мог понять в сей миг кровавый, / На что он руку поднимал!» Он не знал русского языка, не знал русской литературы. Такой был, простите за вульгаризм, хлыщеватый тип.

— Бретер?

— Бретер — это все-таки другое. Это Руфин Дорохов, это Федор Толстой-Американец. Можно еще вспоминать, их было достаточно. Бретер — это синоним дуэлянта. А Дантес — типичный гвардеец из иностранцев. Он действительно понятия не имел о русском языке — так, заучил несколько фраз, без которых нельзя было обойтись, например, при несении службы в эскадроне. Его научили его же однополчане. Эти фразы он использовал и только. Но порусски не знал ни бельмеса.

— Моноспектакль — один из самых трудных жанров. Большие объемы текста, постоянный переход из одного образа в другой. Я видела на вашем сайте фрагмент спектакля «Гений антракта», посвященного родоначальнику этого жанра, Ивану Федоровичу Горбунову. На протяжении нескольких минут вы выполняете беседу не менее чем пяти персонажей...

— Тут посылка простая. В 1996 году я расстался с БДТ. Тогда никто ниоткуда не уходил — зыбкие, тяжкие времена. В это же время, параллельно, у нас с Ларисой Малеванной был свой театр, как мы его называли, «Театрик».

— Муниципальный театр на Васильевском острове под руководством Ларисы Малеванной?

— Да. Но нам никогда никто из власти не помогал, несмотря на название. Скорее, мешали. Ну, бог с ними, время прошло... Так вот, надо было жить дальше. Я подумал и начал работать над моноспектаклями. Первым был спектакль «Узнаю, тебя жизнь,

принимаю!» — в нем два блестящих рассказа Ивана Бунина «Солнечный удар» и «В Париже». Моноспектакль видоизменялся, но все же я свел в нем Ивана Бунина с Александром Блоком, с частью его цикла стихотворений «Заклятие огнем и мраком». В таком виде моноспектакль существует и сегодня. С этого я и начал. А потом возник Сергей Есенин, которому в этом году 125 лет. А Ивану Бунину — 150. И пошло-поехало...

— Вы выбрали образ действий вроде бы легкий — без ответственности за коллектив, за здание театра...

— Вы сказали очень точно — без помещения, особенно, когда ему требуется комплексный, капитальный ремонт. Без коллектива. Более того, раньше у меня были фонограммы к иным моноспектаклям, но и от них я отказался. Даже от звукооператоров. Постоянно приходилось исполнять какой-то ритуальный танец вокруг нужных людей. Осточертело. Тем более что в спектаклях много стихов, а стихи, так я считаю, та же музыка. Так что лучше быть одному. Другой вопрос, тяготы во многом упираются в прокат. Трудно самому быть своим агентом. Вот это вопрос вопросов. А в том, чтобы учить текст, создавать характеры — какая сложность? Это моя профессия. Это радость для меня, это власть. Я — характерный актер, и во всех своих моноспектаклях стараюсь подчеркивать характеры — это же здорово, интерес-

но. И это работа — нормальная, любимая работа.

— Но все же простите за наивность, как вы все это заучиваете? Раскрашиваете разными цветами на распечатках?

— Нет, разве что в своей внутренней палитре. Здесь — такой характер, а где-то — другой. Кто-то подвыпивший, кто-то картавит, а этот — заика... Как все это вытащить, как показать? Это и есть актерская сущность. И, конечно, все продумано. И это труд.

— Да, да, я очень хорошо помню: тот сел, тот встал, этот свистнул, и у всех персонажей разная пластика, а из реквизита — один стул. Магия!

— Верх истории — это, конечно, импровизационное состояние. Это хорошо в любом деле, но в актерском — особенно. Когда ты свободен, ты можешь сделать все, что угодно. А когда «законопачен», очень трудно работать вообще, в любой профессии. В актерской это просто наиболее показательно.

— Вы — театральный педагог, автор собственной учебной программы «Школа речи и актерского мастерства для свободы общения». В чем она состоит?

— Суть ее я уже обозначил — то самое «импровизационное состояние». Надо добиваться именно его. И неважно, в какой профессии. Главное — чтобы ты был свободен. И тогда все удаётся.

На съемках фильма «Слепой: Программа убивать»

«Пиквикский клуб» (БДТ). С Андреем Толубеевым. 1997

– И вы умеете этому научиться?

– Для этого есть набор инструментов, который перечислен в моей программе. Меня очень часто спрашивают: «А что ты делаешь в этой программе?» Я отвечаю: «Придите и посмотрите».

– Давайте, попробуем так. К вам приходят студенты, зачастую уже состоявшиеся люди. Когда вы знакомитесь с ними, о чем говорите, что обещаете? Вы же должны объяснить, чему их научите?

– Нет, ничего не объясняю. Я просто вступаю в контакт, задаю вопросы, отвечая на которые они втягиваются в процесс. Главное, чтобы люди хорошо говорили, чтобы визави или аудитория не напрягались, слушая их. При этом – были свободны. Например, что является, пожалуй, самым главным инструментом в любой профессии? Это «внимание и концентрация». Без этого не будет ничего. Эти качества надо воспитывать. Иногда они включаются помимо тебя, но надо крепко поработать. Уже потом это переходит в опыт. Я предлагаю своим студентам то, чем сам владею, и что сам исповедую. Иногда это длится семестр, иногда – год. Один из учеников со мной пять лет, уже окончил аспирантуру, но продолжает заниматься. И играет сразу две роли в спектакле «Дракон» по пьесе Евгения Шварца, которую мы сейчас ставим.

– В год 75-летия Победы вы приняли участие в радио-проекте «Письма с фронта», для

которого за два дня записали 40 из 75 реальных писем фронтовиков. Сорок реальных писем от очень разных людей – убежденного комиссара, партизана перед казнью, танкиста, умирающего от ран после последнего боя, сибирского пасечника, тюменского старика, уставшего от войны... Проект реализовывался в крайне сложной ситуации – апрельский пик пандемии, общественная растерянность, самоизоляция. Запись даже не была студийной, насколько я знаю. Расскажите подробнее, пожалуйста.

– Год 75-летия Победы важен для меня. Мой отец, лейтенант Константин Пальмов, был добровольцем, воевал в рядах народного ополчения, был ранен под Ленинградом. И я не мог не почтить этот год своим моноспектаклем «Пьем за яростных, за непохожих!». Но вмешалась пандемия. Какие спектакли, когда закрылись даже камерные залы? И тут появилось федеральное агентство REGNUM со своим предложением принять участие в проекте «Письма с фронта». Я благодарен за то, что меня пригласили в этот проект. Да, действительно, в нем я записал 40 реальных писем фронтовиков. И да, действительно, не в студии. Это происходило в весенний разгар этой чумы, пандемии COVID-19, и к этому моменту уже обозначили карантинные меры. Планировалось, что письма будут записываться на студии «Радио Россия – Санкт-Петербург», но, увы! Однако – святой совершенно человек – Татьяна Анатольевна Трубачева, автор,

ведущая и редактор программ радиоканала «Пулковский меридиан», очень прониклась этой идеей. Два дня подряд она приезжала ко мне домой, и, сидя за моим журнальным столиком, мы записали эти 40 писем на два голоса на ее микрофон... Святая тема. Письма пронзительные. Но главное – я это делал с большим желанием.

В моноспектакле «Вагон для перевозки свежих устриц»

– Агентство REGNUM тогда смогло организовать вещание «Писем с фронта» через громкоговорители в Центральном административном округе Москвы. И это было очень впечатляюще – в пустой и притихшей Москве весь день 9 мая звучали «Письма» в вашем исполнении и исполнении наших сотрудников, наших старших детей. Это производило очень сильное впечатление. Прохожие в Голутвинской слободе останавливались и махали нам руками с противоположной стороны Водоотводного канала, люди открывали окна или просто выходили на улицу, чтобы послушать.

– Не сомневаюсь. И дорого бы дал, чтобы увидеть это своими глазами. Но в мае, в силу известных причин, приехать в Москву не было никакой возможности. Повторю, главное, что в этом проекте все работало с огромным желанием. Без желания никогда не получается ничего. Через желание человек появляется на свет.

Н. Кулеш. Зимний пейзаж. Частное собрание

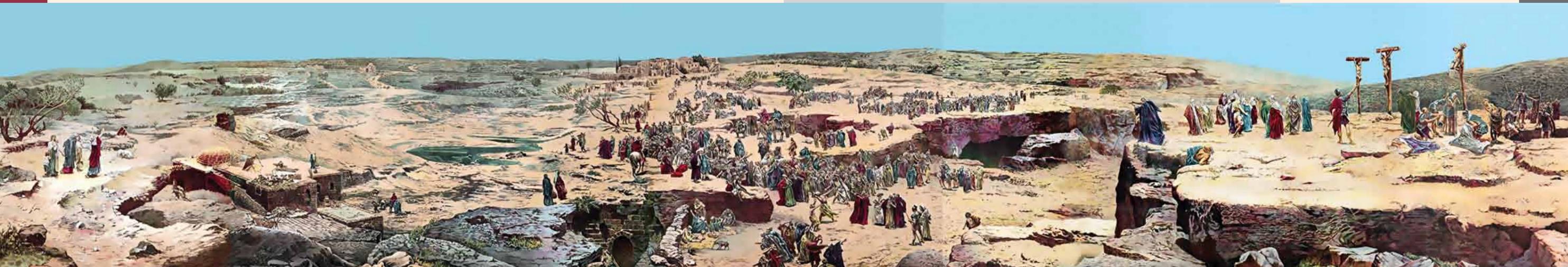
ХУДОЖНИК НИКИФОР КУЛЕШ И КАРТИНА-ПАНОРАМА «ГОЛГОФА»

■ Тамаз ГЕРСАМИЯ

Есть вещи, которые запоминаются нам с самого раннего детства, т.е. имею в виду с момента способности восприятия нами окружающего мира. В данном случае это относится к двум картинам, находящимся в нашей семье более века. Возможно, были и другие, но память моя их не сохранила, может, просто потому что они были более скромными по своим размерам. На одной (побольше) изображена широкая река с дремучим лесом на берегах, на второй осень – пруд, скирды сена, ели, березовая рощица и лес с желтеющими кронами деревьев. Значительно позже, научившись уже грамоте, разобрал на картинах подпись автора – Н. Кулеш. Почему-то я решил, что

фамилия автора – Николай Кулешов, возможно потому, что после фамилии стояла точка. В 1970-х годах мне приходилось часто бывать в Музее искусств Грузии, точнее, в фототеке для ознакомления с коллекцией фотографа Д. Ермакова. В это время живопись большей картины уже требовала реставрации. Заведующая фототекой попросила об этом художника-реставратора – Теону Аситашвили, та согласилась, и мне вернули уже отреставрированную картину. Существенно и то, что директор музея академик Шалва Ясонович Амираншвили (чье имя сейчас носит музей), довольно часто захаживающий в реставрационную, видел эту картину и сказал, что она напи-

сана художником-самоучкой. К этому добавлю, что будучи в командировке в Москве, сел в такси и обнаружил, что фамилия таксиста – Кулеш (тогда было обязательно указывать данные о водителе, название таксопарка и т.д.). Тот поведал мне, что он родом из Белоруссии и что фамилия Кулеш существует. Исходя из этого, фамилия художника теперь стала выглядеть так – Н. Кулеш. В течение многих лет ничего нового о Н. Кулеше не было, не считая того, что я на всякий случай заглянул в реестр профессиональных художников Российской империи, но, как и можно было предположить, имени Н. Кулеша там не оказалось. Лишь в 2019 г., когда я в очередной раз работал в Национальном архиве Грузии, совершенно по другой теме, просматривая фонд Совнаркома Грузии, неожиданно наткнулся на дело под названием «О художнике Ник. Кулеше». (Фонд 600, Совет народных комиссаров Грузинской ССР, 1921-27 гг., дело № 833, которое было датировано 26.VI.1926 г.). Я написал архивное дело, будучи уверен, что другого художника Кулеша точно не могло быть. Оно оказалось весьма объемистым и касалось вопроса – «О

Панорама «Голгофа»

возмещении художнику Н. Кулешу стоимости отобранных у него строительных материалов по постройке выставки картины «Голгофа». Материалы даны на грузинском и русском языках. В нем имеются два письма, написанные Н. Кулешом, а также переписка нескольких государственных учреждений в связи с этим делом. Хронологически первый архивный документ – письмо на имя М. Калинина, посланное Н. Кулешом, видимо, в феврале, и полученное приемной председателя ВЦИК 4.III.1925 г., где он пишет: «Многоуважаемый товарищ Калинин! Я художник – пролетарий, проживающий в городе Тифлисе по Театральному переулку № 13 Никифор Кулеш имею обратиться к Вам с товарищеской просьбой о нижеследующем» и далее: «В 1914 году я привез из Риги картину-панораму «Голгофа» работы лучших мюнхенских профессоров художников – Брювера, Крюгера, Фрошема и Рейсагера. Написана масляными красками вес 125 пудов в целом 3276 квадр. аршин. В империалистическую войну меня призвали на войну, картина хранилась на вокзале до окончания войны. В 1918 году я вновь приступил к ее постройке. Затратил все свои сбережения, добытые всей моей жизнью, дабы осуществить постановку картины. Для постройки здания панорамы материал приобретался у меньшевистского правительства за наличные, дополнительный материал из частных

рук. Предполагая постройку ее на Михайловской улице, я потом добился участка на Коргановской на Верийском спуске (заарендованный мною до военного времени). При получении участка 1920 года на расчистку участка меньшевистское правительство выдало один миллион (1.000.000) р. Для поощрения правительство должно получать 20% на народное просвещение. Одновременно вошел со мной в компаньоны композитор грузинских песен К. Поцхверашвили, также со своими последними сбережениями. На постройку материал был собран весь и заготовлялся десятками плотников несколько месяцев и попутно очищался участком рабочими, и некоторые части были установлены, но ввиду ее сложной конструкции и ненастной погоды постройка затянулась до 1921 года. По прибытии Советской власти мы довели до сведения Наркомпроса о культурном значении картины, где и постановили закончить начатую постройку и осуществить постановку картины. По неведомой мне причине Совнарком стал вмешиваться в наши дела постройки и чинить всякие препятствия и запрещения, а в конце подписали начатую постройку и разрушили до основания и вывезли с участка весь лесной материал до щепки; не пощадили ни время, ни физических трудов, ни затраченную сумму на заготовку столбов, ферм и т.д. По распоряжению Совнаркома весь этот материал был взят

путем реквизиции, а для оправдания была придумана версия, что этот материал будто бы принадлежал какому-то Корганову. После долгих мытарств в 1924 году Председатель исполнительного комитета т. Цхакая сделал резолюцию на нашем прошении в утвердительном смысле, т.е. по смыслу этой резолюции мы должны получить взамен отобранного имущества соответствующую компенсацию. Бумага для исполнения была передана в хозяйственную комиссию Совнаркома Грузии, которая до сих пор не находит возможности нас удовлетворить. Наше имущество по советским законам не подлежит ни реквизиции, ни конфискации, а посему просим убедительно оказать содействие в получении отнятого у нас имущества.

Михаил (Миха) Цхакая (1865-1950) – революционер, советский государственный и партийный деятель. Родился в семье священника. Окончил Кутаисское духовное училище. Учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1886 году был исключен за революционную пропаганду. В 1907-1917 жил в эмиграции в Женеве. Вернулся в Россию в 1917 г. впломбированном вагоне вместе с В.И. Лениным. В 1923-30 гг. председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР и один из председателей ЦИК ЗСФСР, член Президиума ЦИК СССР (1922-1937). В 1922 году подписал Договор об образовании СССР, представляя ЗСФСР.

«Я старый революционер. Имею большой революционный стаж и не из тех, которые создают себе тепленькую жизнь. Я, как и прежде, без имени работаю на культурном фронте, там я долго буду нужен на укреплении Советской власти. Я всегда совмещаю несколько дел, дабы удовлетворить всех. Со дня советизации Грузии художником при ЗакЧека, в школе слепых, у восточных курсантов, в комхозе, в 20-ой дивизии, в 21-ой школе; многие другие красноармейские клубы оборудованы мною и даже в провинции. Мое знание и труд несу безвозмездно. Для Красной армии, пролетариата и крестьян я всегда готов жертвовать свой труд и знания. Это моя личная задача. Моя история больше, чем история Ломоносова. Картина панорама «Голгофа», принадлежащая мне, лежит под открытым небом во дворе государственного оперного театра, в настоящий год ей грозит гибель т.к. брезенты прогнили, а я не имею средств ее сохранить, великая ценность погибнет. Прошу Вашей помощи спасти картину. Н. Кулеш».

Второе письмо, находящееся в деле, было послано 1.X.1925 г. в бюро жалоб Рабоче-крестьянской инспекции. Форма обращения, смысл письма тот же. Но во втором письме в приводимых данных иногда встречаются и некоторые различия по сравнению с первым письмом. Так, во втором письме, указывая вес и размер полотна Н. Кулеш пишет – вес 225

пудов, холст в целом 2150 кв. аршин, против 125 пудов и 3276 квадр. аршин в первом. По моему мнению, это имеет определенное значение с точки зрения величины картины-панорамы, поскольку от размера полотна зависели размеры павильона. Или же – «В 1918 году я приступил к ее постройке» в первом письме, но во втором уже «в 1919 году». В тексте имеются и новые включения-фрагменты, которые мы здесь приводим: «В период 1922 года», – пишет он, – «был издан декрет, чтобы пустопорожние места заполнить культурным производством. С разрешения Всеобуча был сооружен детский трек временно, чтобы тем сохранить участок. Но это был совет Наркомпроса так, как им было ходатайство перед Совнархозом вернуть нам лесной материал, который и обещал. На участке производились работы, комсомолы производили физическое упражнение и поощряли мою работу, а когда кончилось культивирование (где я затратил помимо личного труда и позднее из своего заработка были проданные ценные костюмы жены артистки и кредитовался, за которые выплачивал до последнего дня с большим трудом, выплатил задолженность)». Комсомол отобрал трек и находящиеся постройки, где хранилось имущество весьма ценное для панорамы. Все это произошло самым незаконнейшим образом, не желая дать мне опись имущества моего и весьма грубо

со мной обошелся, и мой трек дали в аренду имущим для эксплуатации, т.е. пользовались и разрушали, а в конце комсомол снес всестройки и куда-то девал и все имущество и по настоящее время не могу найти, нет следов. Впервые было заявлено прокурору Грузии о незаконной реквизиции и было заявлено мне, что реквизиции не подлежат и дальше ходу не было дано. Было доведено до сведения Наркомпроса и другим Сильным, все отмахивались от комсомола и только. Я художник из беднейшей крестьянской семьи, я работал тяжелую крестьянскую работу до 17-летнего возраста и был на заводах, в царизме пережил нужду и горечь – холод и голод с детских лет. Моя история – аналогичная Ломоносову, знание мое, самолично добытое потом и кровью. В революционном движении с 1904 по 1907, были страдания и тяжелые переживания. А после я перешел на фронт художественного искусства и сбережения потом выделял на революционные цели. Я все годы зарабатывал хорошо, но лишал себя даже необходимого, чтобы на сбережения уехать за границу и там окончить образование по своей отрасли, так как в царизм этого я был лишен, как неблагонадежный. Но случай изменил, увидя колоссальную картину, я потянулся за ней, и все мое многолетнее сбережение пошло на сооружение, преследовал цель культурно-просветительную как искусство,

Н. Кулеш. Пейзаж. Частное собрание

а потом осуществить и мечу (мечту – Т.Г.) дополнить свое знание. Во время империалистической войны был призван на войну, где в революции совершал революционную работу, но не был показным и не афишировал свои деяния. Я многих видел тогда противниками нашего стремления, теперь они в рядах наших трудов и весьма чванные, когда я к ним обращался. В меньшевистское правительство меня высылали за пределы Грузии, как большевика, но меня защищал Герасим Махарадзе, как искусство.

Герасим Махарадзе (1881-1937) – социал-демократ, депутат Государственной думы II созыва. В 1895 г. окончил Озургетское духовное училище, в 1901 г. Кутаисскую духовную семинарию. После окончания семинарии поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского университета, позже в Юрьевский университет. 26 мая 1918 г. подписал Декларацию независимости Грузии. В 1918 году избран в парламент, позднее – в Учредительное собрание Грузии. Занимал пост товарища (заместителя) министра внутренних

дел Грузии. В 1920 году Полномочный представитель Демократической республики Грузия в Советской России. После установления советской власти в Грузии отошел от политической деятельности. Расстрелян в 1937 г.

Я знал, что из разрушителей искусства не нашего пролетарского лагеря, но прикрывались мандатами, чтобы лично удовлетвориться разрушением. Во время нашего строительства я бегал и безвозмездно творил свое искусство, что засвидетельствует мое приложение № 2. Я последователь идеи свободы всем трудящимся. Я самый искренний последователь искусства и чту его во всех видах. Я почти стар, мне 48 лет, страдаю слабостью зрения, потерял его на своем 28-летнем поприще, и здоровьем неважным. Теперь обрекаюсь на нищенское существование за то, что раскаленными мозгами добывал науку и неустанным кровавым потом добывал себе средства, и за это ко мне исключительно репрессивные меры. В критическую минуту Государство нуждалось в материале. Ну и хорошо, мое сбережение оказа-

ло услугу. Теперь Государство обязано с благодарностью вернуть или материалом, или компенсацией. Неужели в Москве т.т. Зимин и Низлобин более достойные заслуг и внимания бедняка художника. У меня есть товарищ Поцхверашвили, композитор, который также вложил свое многолетнее сбережение на сооружение панорамы и теперь тоже страдает нравственно и материально.

Константин (Котэ) Поцхверашвили (1889-1959) – грузинский композитор, дирижер, музыковед. Родился в семье священника. Музыкальное образование получил в Петербургской консерватории. Организатор и руководитель грузинского хора (1901-1914), Государственного академического хора Грузии (1921-35). В 1918-25 – заместитель директора Тифлисского театра оперы и балета. Народный артист Грузинской ССР (1933). Автор слов и музыки гимна «Славься, небесный благословитель» («Дидеба», груз. – «Слава») – гимн Грузии в 1918-1921 и в 1990-2004 гг.

Я подал прошение Всенародному комиссару товарищу КАЛИНИНУ, который начертал на

резолуции «РАССЛЕДОВАТЬ и ДОНЕСТИ» и это голос вопиющего в пустыне. Я всегда буду апеллировать во имя справедливости. Служителей искусства не надо обижать. Н. Кулеш».

Здесь же приводим несколько «благодарностей» из упоминаемого Н. Кулешом – Приложения № 2: «Художнику-декоратору т. Кулешу Никифору. Настоящим 8-й полк Войск Закавказской Чрезвычайной комиссии приносит Вам благодарность за все Ваши декоративные постановки на сцене полкового театра «Ротор», как-то: «Стенька Разин», «Бабы», «Тюрьма» и много других, проводившихся Вашим трудом безвозмездно в нашем театре, а также частое писание нехватящих мелких частей декорации; помимо того, во время ремонта театра безвозмездно руководил оборудованием его, по собственному желанию. Военный комиссар подпись. Начальник клуба подпись. 13 марта 1925 г.»; «Художнику-декоратору тов. Кулешу. Настоящим клуб Тифлисской пехотной командной школы приносит Вам благодарность за все Ваши художественно-декоративные работы по оборудованию сцены школьного клуба, проводившиеся Вашим трудом безвозмездно, а также личное руководство ремонтом сцены. Помощник начальника школы по политчасти подпись. Начальник Клуба школы подпись. 24 марта 1925 г.»; «Тов. Кулешу От имени учащихся и учащихся Акстафинской ж.д. школы приношу Вам искреннюю признательность за пожертвованные портреты Великих Вождей революции. Дети не нарадуются, глядя на них. Завшкол. подпись. 25.III.1925 г.».

Ознакомившись с заголовком дела, я посчитал, что дело идет о картине, написанной самим Н. Кулешом, но оказалось, что речь шла о широко известной, если не сказать знаменитой картине-панораме «Голгофа», официальное открытие которой состоялось в Мюнхене в 1886 г. (живописное полотно из цельного холста было высотой 17 м и длиной 120 м.). Можно сказать, что до этого события, религиозные сюжеты не пользовались массовым вниманием

публики. Возможно, поэтому, пока шла работа над картиной, она заранее была встречена в прессе критикой, но после того как панорама предстала перед публикой, критика признала, что эта или как еще ее называют панорама Пигльгайна – шедевр, удовлетворяющий и глазу знатока, и непрофессионала. Для демонстрации панорам строились специальные павильоны круглой формы. Длина окружности панорам достигала сотни с лишним метров при диаметре несколько десятков метров. Передний иллюзорно-предметный план панорамы путем размещения объемных предметов выполнялся так, чтобы создать иллюзию реального присутствия зрителей, находящихся на специальной платформе в центре помещения, в изображенных событиях – при последних мгновениях жизни Иисуса Христа. Художниками, создавшими величайшую панораму Распятия на кресте Христа были Бруно Пигльгайн, Карл Фрош, Йозеф Кригер. Интересно, что копии именно этой панорамы впоследствии выставлялись в городах Российской империи. К сожалению, оригинал был уничтожен в результате пожара в Вене, где он демонстрировался в 1892 г. Однако это не поставило точку в ее истории, поскольку ее огромный успех обусловил стремление многих художников рисовать сюжет Распятия для панорам в разных городах Европы и Америки. Были при этом и авторские повторения с участием К. Фроша и Й. Кригера. Так, в 1901-02 гг. они сделали копию мюнхенской панорамы для Киева, хотя несколько меньшего размера. Полотно длиной 94 и шириной в 13 метров и весом более 3 тонн, намотанное на специальную деревянную катушку, было доставлено в Киев по железной дороге, где для панорамы был построен специальный павильон. Наряду с этим, К. Фрош и Й. Кригер как признанные мастера входили и в состав различных групп художников, выполнявших художественное полотно с изображением Голгофы. К примеру, 1 (14) мая 1911 г. панорама была открыта в Саратове. В день открытия панорамы в прессе от-

мечалось, что полотно около 104 м. длины и около 13 м. высоты, изображающее Голгофу и окрестности ее в момент распятия Христа, – работа нескольких известных венских и берлинских художников: Кригера, Фроша и др. Забегая вперед, можно считать и картину, приобретенную в Риге Н. Кулешом, авторским повторением, принимая во внимание то, что К. Фрош и Й. Кригер входили в состав группы ее художников. Вообще-то точное количество воспроизведений сюжета Распятия до настоящего времени неизвестно, цифры колеблются от 13 до 40. Выставка киевской панорамы, куда после рождения 1902 года началось настоящее паломничество, пользовалась необыкновенным успехом. «Передать словами незабываемое впечатление от панорамы невозможно, – надо видеть ее своими глазами», – отмечалось в одном из путеводителей по Киеву тех лет. Выставка побывала и в других городах, в частности, в Одессе (1903-04 гг.), Харькове (1908 г.). Ее посещали тысячами, несмотря на то, что билеты были довольно дорогие (входной билет стоил 50 копеек, для учащихся – 30 копеек. По понедельникам действовал двойной тариф). Говорят, что посещение панорамы «Голгофа» оказало сильное воздействие на писателя Михаила Булгакова, который еще гимназистом видел эту картину в Киеве и опирался на свои впечатления, описывая Иерусалим и евангельские события в романе «Мастер и Маргарита». Детские

Михаил Булгаков

А. Эйсер. Копия фрески «Яссе и Зураб Цулукидзе» (храм Никорцминда)

воспоминания другого писателя Валентина Катаева, который посещал панораму в Одессе, отразились в его повести – «Уже написан «Вертер». Не приходится удивляться тому, что панорама «Голгофа» оказала столь сильное воздействие на Н. Кулеша, который его же словами «увидя колоссальную картину, эту великую ценность, и потянулся за ней» и все его «многолетнее сбережение пошло на сооружение (панорамы. – Т.Г.), преследовавшее культурно-просветительную цель». Как уже было отмечено, архивное дело кроме писем Н. Кулеша, состояло из нескольких документов, включающих переписку государственных учреждений по этому делу. Это, в первую очередь, в хронологическом порядке, письмо Всероссийского центрального исполнительного комитета советов Закавказско-

му ЦИК-у с прилагаемым заявлением гр-на Никифора Кулеш по вопросу о возмещении стоимости материала по постройке павильона для картины «Голгофа», отобранного распоряжением СНК Грузии (Приложение: два листа. 20.III.1925 г.), письмо Наркомата просвещения ГССР от 16.IV.1925 г., письмо Всегрузинского центрального исполнительного комитета от 7.I.1926 г., еще одно письмо Наркомата просвещения, уже за подписью наркома просвещения от 6.II.1926 г., письмо Высшего Совета Народного Хозяйства ГССР от 20.V.1926 г., и, наконец, заявление (по сути дела заключение), посланное в Управление делами СНК ССР Грузии от и/о Юриконсультанта СНК ССР Грузии. Вот что он пишет: «Перепиской выяснено, что картина «Голгофа» хранится в саду оперного театра по настоятельной просьбе гр. Кулеша, а лесные материалы отобраны у него ВСНХ Грузии». Далее «Рассмотрев ходатайство гр. Кулеша, в пределах данных, имеющихся в переписке, я нахожу, что из сообщения ВСНХ от 20 мая с.г. за № 2645, нужно сделать вывод, что лесные материалы, возвращение которых требует гр. Кулеш, отобраны у него во всяком случае до 15 июня 1923 г. А при таком положении дела претензия гр. Кулеша должна быть признана необоснованной на основании действующих законов, т.к. согласно примечанию к 59 ст. Гр. Код. и декретам СНК ССР Грузии от 11 июня 1923 г. и 6 августа 1924 г. бывшие собственники, имущество которых было экспроприировано на основании революционного права до 15 июня 1923 г., не имеют права требовать возвращения этого имущества. Поэтому просьба гр. Кулеша о возврате указанного лесного материала или об уплате его стоимости, по моему мнению, не подлежит удовлетворению. За юриконсульта СНК ССР Грузии М.Г. Муат (подпись, 26.V.1926 г.)». И еще один архивный документ, представляющий собой выписку из акта № 25 от июля 1926 г., за пунктом 21 – «О возвращении стоимости строительных материалов для выставки картины «Голгофа»,

отобранных у художника Ник. Кулеша (докладчик – тов. Мар. Орахелашвили)». Учитывая то, что М. Орахелашвили занимала в то время ответственные посты в Наркомате Грузии, надо полагать, что доклад был сделан именно там. Самого текста доклада нет, но можно считать, что он представлял собой итоговый отчет по делу Н. Кулеша, после чего 26.VII.1926 г. дело было уже сдано в архив Совнаркома. Наркомат просвещения, как можно заметить из писем Н. Кулеша, видимо, все-же проявлял лояльность к постройке павильона и в какой-то степени даже как-то поддерживал эту идею. Конечно, можно предположить, что это в какой-то степени было определено позицией Марии Орахелашвили по отношению к выставке картины «Голгофа».

Мария Орахелашвили (1887-1937) – советский и партийный деятель. Министр просвещения Грузинской ССР (1931-33). Жена И.Д. Орахелашвили. По профессии педагог. В девичестве – Микеладзе. Кончила Смольный, потом Патриотический институт в Петербурге, после училась на Бестужевских курсах, жила в Германии и Франции, слушала лекции в Сорбонне. Входила в Кавказский краевой комитет РКП(б). В 1936 году – редактор журнала «Коммунистическое просвещение». Занимала руководящие посты в Наркомпросе РСФСР, начальник управления Высшей школы Наркомпроса РСФСР. Расстреляна в 1937 году.

История с тбилисской, думаю, что можно ее так назвать, панорамой, вызвала у меня интерес к теме истории картин-панорам в Тбилиси. Известно, что первая большая панорама была продемонстрирована в конце XVIII в. в Эдинбурге, хотя свое развитие этот жанр все-таки получил в XIX веке; первая же диорама была создана в начале XIX в. во Франции. Полученные мною в результате поиска сведения указывают на то, что первая или же одна из самых ранних панорам была «открыта» в Тбилиси в начале 1856 года, в здании бывшего Благородного собрания, которое помещалось в доме тбилисского колониста Ф. Зальцмана на углу нынешних

улицы и переулка Л. Гудиашвили (автор проекта арх. Д. Скудери). К сожалению, в источнике не указано названия панорамы. Просматривая прессу второй половины XIX века, в газете «Тифлисский листок» обратил внимание на несколько объявлений о картинах-диорамах, в частности, такого содержания – «Художники Г.Ф. Гриневский и А.П. Эйсер работают над большой диорамой, изображающей тифлискую масляничную процессию «Кеиноба». Диорама эта будет выставлена в помещении выставки картин гг. Гриневского и Эйснера (Головинский пр. рядом с Кружком)». Еще одно объявление в связи с этим – «До 20 мая (3 июня, 1899 г. – Т.Г.) открыта выставка большой картины «Кеиноба». раз. 6 x 4 арш. Головинский пр., рядом с «Тифл. Кружком» (ныне пр. Руставели, 18. – Т.Г.). Плата 25 коп., с учащихся и детей 10 коп.». О Г.Ф. Гриневском как о выдающемся художнике, архитекторе, общественном деятеле, исследователе архитектуры Грузии практически известно все, хотя его работа в жанре диорамы, возможно, представляет собой неизвестный факт в его творческой биографии. Что касается другого художника, то скорее всего можно сказать так, малоизвестный или даже для нас неизвестный А.П. Эйсер. Благодаря интернет-сайтам, где упоминается художник, удалось в определенной степени восполнить этот пробел. Алексей Петрович Эйсер (1872-1943), художник, педагог, окончил курс искусств в Высшем художественном училище при Императорской Академии художеств (1903 г.), предварительно пройдя курс училища барона Штигица, а также прослушал курс Императорского Археологического института. Писал пейзажи, портреты, жанровые композиции; занимался книжной графикой, сотрудничал с фирмой К. Фаберже и, главное, как считают, дело всей его жизни – обследование и фиксация церковных памятников средневековой Грузии. Внук с материнской стороны одного из наиболее известных зодчих России – Андрея Ивановича Штакеншнейдера. В доме Шта-

кеншнейдеров в Петербурге собирались представители петербургской художественной и литературной элиты 40-60-х годов XIX века: писатели и поэты – И.С. Тургенев, Ф.И. Сологуб, Д.В. Григорович, И.А. Гончаров, Ф.М. Достоевский, А.Н. Майков, Я.П. Полонский, Т.Г. Шевченко, А. И. Герцен, художники – Ф.А. Бруни, Ф.П. Толстой, кн. Г.Г. Гагарин, И.А. Айвазовский, скульптор П.К. Клодт фон Юргенсбург, актеры В. В. Самойлов, Л.П. Шелгунова, известный критик В.В. Стасов и многие другие. «Главой» этого известного литературного салона была его тетка Елена Андреевна Штакеншнейдер. Именно там, в доме тети, Алексей Петрович встречался и общался с Ф.М. Достоевским, оказавшим большое влияние на юного Алешу, который сохранил на всю жизнь впечатления об этих встречах. Они обменивались впечатлениями о прочитанных им книгах, при этом, как вспоминает Алексей Петрович, в выборе книг мы с ним сошлись; он сам мне тогда же заявил об этом: «Лешечка, а ведь вкусы у нас с тобой одинакие!» – в 1990-х его воспоминания были опубликованы, хотя заметки написаны были еще в 1934 году. В 1898 году

Академия художеств направляет А. Эйснера в Западную Грузию для осмотра и зарисовок памятников культового зодчества. Поездок было несколько и эта была не первая, поскольку он бывал там и до этой, последняя же датируется июлем 1917 г. Художник, «работая в течение 17 лет по собственной инициативе и на свой заработок» и как он сам пишет «руководствуясь исключительно любовью к грузинским фрескам», знакомится с уникальными художественными ценностями церковного искусства Грузии, с древней историей Западной Грузии – Колхиды, интересуется вопросами народного прикладного искусства конца XIX в., осваивает грузинский язык, чему возможно способствовало и то, что его супруга была грузинка, и самое главное, делает копии фресок древних церквей и монастырей различных областей Западной Грузии, в то же время делая и копии миниатюр из средневековых грузинских церковных рукописных книг, собирает этнографическую коллекцию. Среди культовых сооружений, в которых он работал: кафедрал Мартвили (VII в.), собор Никорцминда (1010-1014 гг.), собор Хоби (XIII-XIV вв.), со-

А. Эйсер. Копия иллюстрации из сборника «Гулани»

Казенный театр

бор Баракони (1753 г.); церкви: Эркети (IX в.), Квирикецминда (IX-X вв.), Земо Криси (X-XI вв.), Сори (XIII в.), Лихаури (XIII в.), Адчи (XIII-XIV вв.), Шемокмеди (XVI в.) и др. Сохранившиеся зарисовки составляют коллекцию акварельных копий с фресок средневековых церквей и монастырей Западной Грузии (151 таблица с соответствующими пояснениями), которая была приобретена музеем Императора Александра III (ныне Государственный Русский музей). Особую ценность представляли его цветные репродукции (акварели), передававшие подлинную гамму колористического решения фресковой живописи. Эйснер – автор нескольких статей, в частности, «Забутые памятники Западной Грузии (журнал «Зодчий», 1909 г.); на II Всероссийском съезде художников (декабрь 1911 г. – январь 1912 г.) он прочитал два доклада – «Непосредственное творчество. О грузинской древней росписи» и «Монастыри и храмы Западной Грузии». Учительская вышесказанное, творчество А.П. Эйснера, по всей вероятности, требует более детального исследования.

Что касается самого Н. Кулеша, то благодаря наличию приведенных архивных документов, а также данных из Нац-

онального агентства публичного реестра Грузии, сейчас у нас о нем намного больше сведений, чем до этого. Нам стало известно, что Никифор Емельянович Кулеш родился в 1877 году, правда, неизвестно где, а также неизвестно, где прошли его ранние годы. Не получал специального образования. Избрал себе художественное поприще как художник-декоратор. По всей вероятности, он обосновался в Тбилиси в начале XX века и здесь фактически протекала его творческая деятельность. Судя по нескольким сохранившимся картинам, писал пейзажи. Принимая во внимание им же отмеченное обстоятельство – «Я все годы зарабатывал хорошо», его картины пользовались определенным успехом. В них даются обобщенные, стандартизированные т.е. не конкретизированные пейзажи, которые вызывают ассоциации и напоминают театральный задник, с нанесенным на него перспективным изображением, обозначающим место действия. Видимо, тут в нем все-таки сказывался именно художник-декоратор. Известно, что он оформлял спектакли: «Егор Булычев и другие» в театре им. Грибоедова (1933 г.); «Рахиль» в театре оперы и балета (1936 г., вместе с худ. И. Параджановым); «Жизнь

нам диктует», «Золотое руно» в театре санкультуры (1937-38, вместе с худ. Г. Гоциридзе); «Из-за чести» (1939, в армянском драматическом театре) и др. Предполагаем, что он работал в Тбилисском оперном театре в конце 10-х – начале 20-х годов XX века, т.е. тогда, когда в театре ставились первые грузинские оперы – «Кристине», «Даиси», «Абесалом и Этери». Здесь надо учесть то, что в 1973 г. в театре оперы и балета произошел пожар. Здание уцелело, однако при пожаре сгорели костюмы, реквизиты, театральный занавес и большая часть архивных материалов. Как мы видим, отдельные вопросы все же остаются и среди них, наверное, один из главных – дальнейшая судьба «колоссальной» картины, которая остается неизвестной, по крайней мере до настоящего времени. Тем не менее, подытоживая его творческий путь, можно сказать, что он по мере своих сил и возможностей внес посильную лепту в историю грузинского искусства. Скончался художник 7 апреля 1942 года в Тбилиси. Его работы хранятся в Государственном музее театра, музыки, кино и хореографии Грузии и в частных собраниях.

599 62 13 13

თბილისი
ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული
შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი
აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის
ეოტვევზ
ყვალაზა დაბალ ფასად

300
ლარი

- ტრანსფარი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები საზღვარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

**Замечательная скульптура с актерами
С. Жоржوليани и А. Кванталиани украсила
улицу Шавтели. Скульптор М. Цоцория**

Фото Александра Сватикова

